

НОВАЯ ИСТОРИЯ КОЛОБКА, *или*

*Как я
добегалась*

ЯНА
ЯННА

Яна Ясная

**Новая история колобка,
или Как я добегалась**

«Яна Ясная»

2020

Ясная Я.

Новая история колобка, или Как я добегалась / Я. Ясная — «Яна Ясная», 2020

Меня зовут Елена Колобкова, и жизнь моя... катится. Провести одну жаркую ночь с героически спасшим меня незнакомцем, устыдиться наутро и вытолкать его за дверь? Могу! Оказаться в положении, бросить все и уехать в другой город, чтобы начать жизнь с чистого листа? Умею! Напороться на отца своих детей спустя три года, когда тот заявился отжимать у любимого начальства любимое дело? Пр-р-рактикую! Но где наша не пропадала? Я ж «и от бабушки ушел, и от дедушки ушел». Сейчас ка-ак спою песенку...

© Ясная Я., 2020

© Яна Ясная, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1	15
Глава 2	27
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Яна Ясная

Новая история колобка, или Как я добегалась

Пролог

Мне было, наверное, лет десять, когда в нашей семье впервые всплыла сказочка про “маньяка с топором”. Однажды мама пришла с работы и трагическим голосом объявила, что ей сказала Светка, а Светке сказала Ольга, а Ольга слышала от тетки, которая приходится двоюродной сестрой... ну вы поняли. В общем, все вышеупомянутые сверхнадежные источники утверждали в один голос: в нашем районе завелся маньяк с топором, а значит, отныне и впредь все прогулки будут совершаться исключительно в дневное время, а с музыки меня на остановке будет встречать папа, ибо семь часов вечера – самое то время для маньяков.

Потом, конечно, суровые комендантские меры себя изжили (очевидно, сам маньяк испугался того, что он еще и маньячить не начал, а о нем уже все знают), а шутка осталась. Упоминание “маньяка с топором” сводило всю мамину строгость на нет и туда же отправляло мой собственный страх перед темными улицами.

Да и вообще, не такая уж она была и темная. Даже и не улица, а аллея в парке, освещенная оранжевым фонарным светом, падающим из вычурных плафонов с матовым стеклом. И время не такое уж позднее. Подумаешь – десять. Детское время-то!

Кто бы привел это все в качестве аргументов четырем амбалам, окружившим меня, когда выход из парка уже маячил перед глазами, а мыслями я давно была в горячей ванне, заслуженной после тяжелого дня.

Я застыла сусликом, испуганным зверьком, растеряв все зачатки разума, которые у меня имелись.

Бежать? Кричать? Отбиваться?..

Я вцепилась в свою сумку и с трудом разжала пальцы, когда один из типов потянул ее на себя. Это просто вещи, просто деньги. Они заберут, что надо и уйдут, не тыкая в тебя вот этими вот ножичками размером с ладонь.

Руки сами потянулись вытащить из ушей сережки.

– Умненькая девочка, – хмыкнул сзади хриплый голос. – И раз умненькая, то понимаешь, да, что этого мало? Придется натурой доплачивать.

И он хохотнул, будто рассказал веселую шутку.

Козел какой.

Чувство юмора стремительно меня покидало, вместе с самообладанием, а на их место напрашивалась паника.

Даже так – паника-паника-паника!

Я терпеть не могу боль. Я терпеть не могу принуждение в отношении себя. Я терпеть не могу ситуации, в которых я не контролирую ситуацию.

Да, и отдельно я не люблю наглой лапы, опустившейся на мой зад. Вот ее прям больше всего.

К горлу подкатила тошнота. Руки, так и замершие возле сережек, похолодели. Ноги ослабли.

Давай, скажи им что-нибудь, Елена. Самое время. Не будь жертвой. Заговори с ними. Заставь их увидеть в тебе человека!

– Ребят, а вам не страшно? Тут, говорят, маньяк с топором гуляет...

Дружный жеребячий гогот был мне ответом.

Меня сейчас вырвет. Интересно, они передумают, если меня вырвет?

Успокойся, успокойся, это всего лишь тело, жизнь дороже, ты же умная девочка, ты же не хочешь, чтобы тебя покалечили, да? Просто не сопротивляйся, притворись, что ты на все согласна, усыпи бдительность, оставь им сумку и беги!

– Сама разденешься или помочь?

– Я... не надо, пожалуйста. Я сама...

Ночь, аллея, скудный свет фонаря, четыре урода, которым морально-нравственный закон не писан, я и мой ужас...

Все это на мгновение застыло сюрреалистичной картинкой, а потом...

– Ребят, а что это вы тут делаете? – веселый нахальный мужской голос разбавил нашу теплую (душную, я бы сказала) компанию. – А можно с вами?

Они сдвинулись передо мной широкими спинами как-то очень... слаженно, что ли? Отработано. Будто долго репетировали, тренировались. Только в результате этих тренировок, трое вдруг оказались впереди, перед шутником, а четвертый рывком выдернул меня из скудного круга фонарного света, с натопанной дорожки, умело зажав рот и вывернув руку так, что боль копьем прострелила от сустава до сустава, от локтя до плеча. И когда я попыталась закричать – как угодно, сквозь его ладонь, лишь бы дать понять, что я не добровольно здесь, что я в беде! – легкого движения хватило, чтобы вместо крика о помощи у меня вырвался вопль боли. И всё равно захлебнулся мычанием в пятерне насильника.

Мою сумку он пинком отшвырнул еще дальше в сторону кустов. Чтобы не мешалась под ногами, видимо.

– Слышь, ты, иди куда шел, понял?

– Так я ж к вам! – радостно отозвался все тот же голос, и моя робкая надежда на спасение пошатнулась.

Господи, помоги мне. Господи, спаси меня...

– Ты кто такой? – настороженно уточнил один из четверых.

– Маньяк, – понизив голос, сообщил вновь прибывший, будто выдавал какой-то серьезный секрет. – Вот только топор дома забыл, не обессудьте.

Я не поверила своим ушам. Грабители-насильники, кажется, тоже. Кто-то из них даже начал протяжное “чего-о-о?!”, но окончить на правильной ноте не успел.

Глухой звук удара и неприятный хруст, от которого у меня свело зубы и желудок подпрыгнул к горлу.

Удерживающий меня тип попятился, увлекая меня за собой в густую темноту между парковых деревьев. Я, осознав, что меня, кажется, все-таки спасают, воспряла духом и попыталась укусь его за руку, лягнуть или вывернуться из захвата, но добилась только того, что из глаз брызнули слезы, а рука по ощущениям оторвалась.

– Давай, шевелись, курица!

Он тащил меня все дальше, но все равно голос маньяка нас нагнал.

– Стоять.

Насильник замер, будто и впрямь подчинился приказу.

– Вали отсюда, – резко развернувшись огрызнулись у меня над ухом. – А то порежу девчонку.

– Порежешь девчонку – сверну тебе шею, – буднично уведомил голос.

И не знаю, как мой навязанный спутник, а вот я как-то сразу поверила – свернет. Как пить-дать свернет! И вот честно, я была бы совсем не против, но давайте, пожалуйста, не через мой труп!

Он тоже поверил.

Резкий болезненный толчок в спину, и я лечу прямо на спасителя, врезаюсь в него, и только чудом мы удерживаемся на ногах. А позади уже слышится треск и грузный топот – кто-то ломанулся сквозь парк со всех ног.

“Маньяк” дернулся, и я машинально плотнее вцепилась в его одежду.

Шумно выдохнув – горячий воздух щекотнул лоб – мужчина оставил мечты о погоне и, взяв меня за плечи, слегка встряхнул.

– Ты как? Нормально? Посмотри на меня? Что-то где-то болит?

Параллельно с вопросами, не особенно рассчитывая на адекватные ответы, он мазнул руками по моему телу, ощупывая на предмет повреждений, и я вздрогнула, опомнилась, отступила на шаг назад и впервые посмотрела на того, кого судьба уготовила мне в спасители.

М... судьба, ты издеваешься, да?

Под ложечкой противно засосало.

Первое, что бросалось в глаза в парковой темноте – это толстовка с живописно белеющим черепом, бритая голова и поблескивающая в ухе серьга.

Высокий. Одежда вроде нарочито мешковатая, но в то же время странным образом дающая понять, что под ней далеко не дистрофик. Дранные джинсы. Кривоватая зловещая ухмылка.

Впрочем, последнее вполне могло дорисовать буйное воображение, уже согласившееся с тем, что я попала из огня да в полымя.

А вдруг правда маньяк?..

Какова статистическая возможность того, чтобы одна девушка напоролась в парке на двух насильников? Может, они из враждующих группировок? Место не поделили, вот и...

– Телефон твой где? – осведомился “маньяк”, так и не получив ответов на предыдущие вопросы.

Я все также молча ткнула в ту сторону, откуда меня приволокли.

Ладно, телефон так телефон. Он новенький и его, конечно, тоже жалко, но не так жалко, как себя – практичный мозг отсек угрозу телу и вновь вернулся к размышлениям о материальном. Может, ему денег дать? Пусть хоть документы оставит, а то их восстанавливать – это с ума сойти, в прошлый раз, когда вытянули кошелек в автобусе я месяц по инстанциям бегала, все восстанавливала. Самое смешное, что сложнее всего мне дался университетский читательский билет. Ангелина Федоровна у нас была круче МФЦ...

Тел со свернутыми шеями на месте происшествия не обнаружилось. А вот сумка, как ни странно, нашлась, хоть и пришлось ради этого поползть по земле. Документы были спасены, а телефону – хана. На него, очевидно, кто-то наступил – экран вдребезги.

“Маньяк” при виде этого раздосадованно цокнул языком, и у меня по спине вновь пробежал холодок.

– На мой тогда, – он полез в карман, выудил блестящий черный гаджет с узнаваемым яблоком и протянул мне.

Я сморгнула. Что-то новое в системе гоп-стопа.

– Звони домой, пусть встретят.

– Я... – язык ворочался с трудом и вообще от нервов получился какой-то высокий полуглаженный писк. – Я одна... мне некому...

И прикусила язык. Ну вот, теперь он еще и квартиру обнесет?..

– В смысле, мне не далеко идти. Здесь, рядом совсем.

Маньяк вместо того, чтобы ухмыльнуться и довольно потереть руки, закатил глаза и вздохнул.

– Ладно, идем, провожу.

– Спасибо, я сама, – наконец-то придя в себя, отозвалась я твердо и решительно.

– Докуда ты сама, до ближайшей подворотни? – мужчина (парень? я никак не могла прикинуть, сколько ему лет) вздернул бровь.

Аргумент, конечно, хороший, учитывая обстоятельства, не спорю, но нет уж!

– Я не имею привычки водить к себе домой посторонних мужчин, извините. Спасибо вам за помощь, я невероятно признательна, но дальше я сама.

– Во-первых, не домой, а до дома, – возразил маньяк-спаситель, – а во-вторых, Мирослав. И он протянул мне руку.

Мысли в голове прыснули испуганными зайками в разные стороны. Думать стало нечем, а потому я вполне себе бездумно ляпнула:

– Лера, – и опасливо пожала протянутую ладонь.

Рефлекс называть фальшивое имя вынырнул еще с университетских имен. Я тогда этим пользовалась для отваживания внезапных и нежеланных ухажеров, когда в лоб сказать, что мне это неинтересно, не хватало духу. Ненастоящее имя и вымышленный номер телефона – и знать не знаю, кто вы такой! Мне казалось, что с тех пор я посмелела, а гляди ж ты! Старые привычки легко не забываются...

– Ну, vedi, Валерия, – весело объявил маньяк, которого Мирославом у меня звать не получалось.

Я передернула плечами и... повела, что уж.

Держалась бодрячком, не раскисала, и даже мысли какие-то в голове варились. Одна даже сформировалась в вопрос:

– Слушай... А откуда ты про маньяка с топором знаешь?

Он ухмыльнулся – ночные фонари живописно и угрожающе подсветили рожу типичного гопника:

– Да от тебя и услышал, – серьга в ухе блеснула, и я неодобрительно нахмурилась. – Я за тобой почти от начала аллеи иду. У нас там чуть дальше общий сбор. Машину на парковке оставил. Решил срезать. Ну и вот... срезал.

А я с удивлением взглянула на своего спасителя, снова пытаюсь сообразить, сколько ему лет? Вид он имел “лихой и придурковатый”, и такая бесшабашная молодецкая удаля свойственна, скорее совсем молодым парням, почти мальчишкам. Но такие, как правило, не оставляют машины на парковках, когда идут пить. Они приезжают на пьянки на родных колесах, а потом горько-горько плачут и тянут деньги с мам и пап, когда их лишают прав “менты-козлы”.

Холодный нервный ком в животе, возникший еще в тот момент, когда мне перегородили дорогу темные фигуры, никак не желал рассасываться. Присутствие рядом незнакомого (он имя себе тоже, может, придумал, как я! Хотя Мирослава фиг придумаешь...) мужчины рядом нервировало, но что-то мешало все же твердо послать его в дальнее пешее. Наверное, мысль о том, что он не дай бог, пойдет за мной позади. А “слежка” моим бедным нервам понравится еще меньше.

Ладно. Спокойно. Парень тебя спас и просто хочет убедиться, что не напрасно. А что выглядит, как гопник, так сейчас мода такая – полгорода выглядит как гопники. Не будь злобной старушенцией в свои какие-то двадцать четыре.

Ты ведь, Елена Премудрая, его даже не к себе ведь домой ведешь, так что расстанетесь у двери и все, концы в воду! И ничего не придется объяснять даже папе с мамой.

Надеюсь Наташке, которая слезно умолила меня пожить у нее две недели, пока она в отпуске – покормить котов, полить цветочки – это не аукнется.

Мы шли молча.

Маньяк попытался вытянуть меня на беззаботный ни о чем треп, но получив на пару вопросов многозначительное “угу”, понятиливо заткнулся.

Подъездная дверь хлопнула за спиной, заставив вздрогнуть, свет на первом этаже не горел. Каблук соскользнул со ступеньки, я пошатнулась, и маньяк любезно поддержал меня под локоть, заставив покраснеть, к счастью, невидимо. Соберись, Колобкова! Что ты как я не знаю! Не то, что до дома дойти, по лестнице без приключений подняться не можешь!

На третьем этаже я замерла посреди лестничной площадки и обернулась к навязавшемуся спутнику.

– Пришли. Спасибо большое. Я вам крайне признательна за все.

– Вы бесстрашная девушка, Валерия, – улыбнулся маньяк.

На третьем этаже свет горел и при свете он, наконец, показался мне не таким уж и страшным. Ну череп, ну серьга, ну подумаешь... улыбка зато приятная. И глаза красивые. Удивительные, оказывается, не голубые даже, а почти синие, глубокого чистого цвета. Никогда таких не видела.

– Всего доброго, – он шутливо козырнул и почти вприпрыжку, как десятилетний мальчишка, поскакал вниз.

Я выдохнула с полным облегчением и полезла в сумку за ключами.

Ключи нашлись быстро, а вот дальше случилось непредвиденное...

У меня дрожали руки.

Тряслись. Ходили ходуном. Да так, что попасть в замочную скважину категорически не получалось.

Я закусила губу, сжала и разжала кулаки, снова поднесла ключ, но противный замок мало того, что не поддавался, так еще и принялся расплываться перед глазами.

Теперь меня трясло уже всю.

Откат от удивительной выдержки оказался ошеломляющим.

Ключи, лязгнув, упали. Я нагнулась, чтобы их поднять, и, всхлипнув, осела на пол рядом. Холодный ком вместо того, чтобы рассосаться, поднялся до груди, до сердца, разросся там, выдавливая из меня рыдания...

Сильные руки стиснули меня за плечи и без усилий вздернули вверх.

Синие глаза, бритый череп и дурацкая сережка.

– Н-никакая я-я не бес... бесс... бесстрашная, – выдавила я, клацая зубами и дрожа подбородком. – П-прос-сто т... т... тормознутая.

Маньяк поперхнулся воздухом, с трудом удержав неуместный смешок, и уткнул мой нос в свой череп. Не тот, который бритый, а который на толстовке.

– Ну-ну, все хорошо, все позади...

И чужие незнакомые руки гладили мои волосы, сжимали плечи, похлопывали по спине и проделывали все прочие манипуляции, теоретически призванные, успокоить рыдающую девушку. На практике девица успокоилась только тогда, когда сил рыдать уже не осталось.

Я шмыгнула напоследок носом и, забив на приличия, утерла его рукавом кофты, другим хотела размазать по лицу остатки слез, но замерла с недоумением уставившись на буровато-красные пятна. Посмотрела вниз.

– У вас... к... кровь!

– Где? – изумился маньяк и тоже уставился вниз, на зияющую прорехой на боку толстовку.

На черной ткани ничего не было видно. А вот на моей бежевой, голубой и синей – кофта, блузка, юбка – очень даже!

– Неловко вышло, – посетовал Мирослав. – Ну ничего, сейчас под холодную водичку сразу, должно отстираться...

– Вы с ума сошли? – нервно икнула я. Руки обрели утерянную было твердость, ключ вошел в дверной замок как нож в масло, и я уже совершенно не думала о том, что распаиваю дверь в чужую квартиру перед совершенно посторонним человеком. – Заходите, я немедленно вызову скорую.

– Да ерунда, царапина. Не кипешишь, Валерия.

Язык едва не дернулся поправить: “Я Лена”, но я закусила губу и вместо этого отрезала:

– Все вы так говорите, потом помираете за углом, а я неси тяжкий крест по жизни.

– Вы так уверенно это заявляете, уже бывали прецеденты? – заинтересовался маньяк.

Умирающим он определенно не выглядел, как и страдающим от шока и неспособным здраво оценивать свое состояние. Но пятна на моей одежде все равно были, и даже если там и правда всего лишь царапина...

– Заходите уже, – поторопила я. – Дайте я хотя бы обработаю. Или для этого мне надо прецеденты про гангрену привести?

Мирослав хмыкнул, но подчинился, прошел в распахнутую дверь, вежливо скинул на коврик ботинки. Дуська, толстая рыжая кошка, сидя в проеме, ведущем в комнату, гладела на меня и незнакомого мужика так, что мне отчаянно засвербело перед ней оправдаться – да я его на минуточкупустила, сейчас вот обработаю и сразу же выставлю, чесслово!

– Ванная здесь, – я распахнула дверь, зажгла свет и нырнула в недра шкафчика в поисках аптечки. – Вы пока раздевайтесь, а я сейчас...

Да! Подруга, ты запасливое золото, я тебя люблю! Было бы отчаянно неловко, не окажись сейчас у Наташки ни бинтов, ни антисептика.

Я выпрямилась с добычей, обернулась – и обомлела.

Даже рот сам собой приоткрылся.

Маньяк послушно стащил толстовку и футболку и теперь щеголял великолепно вылепленным полуобнаженным торсом, но великолепие этого торса я оценила только во вторую очередь, а в первую...

По загорелой коже причудливо змеились тонкие линии.

Татуировка покрывала все тело, по крайней мере, видимую его часть. Причудливая, заволаживающая. Я не была большим любителем росписей, но от этой не могла оторвать взгляд, и только спустя несколько мгновений до меня дошло, что я обласкиваю вниманием не столько удивительный узор, сколько выпуклые мышцы рук и плеч, рельефную грудь и треклятые “девичья погибель” кубики.

В и без того маленькой ванной стало очень тесно.

Я прерывисто вздохнула, резко вспомнив, как это делается, и облизнула пересохшие губы, а потом наконец заметила то, из-за чего нежной женской психике моей пришлось пережить такое потрясение.

Царапина, влажно поблескивающая бисеринками крови, расчерчивала бок. Совсем не пугающая, хоть и длинная – действительно, просто царапина.

Я окончательно встрепелась и полезла в аптечку. Маньяк то ли не заметил моего краткосрочного оцепенения, то ли сделал вид, что не заметил. Может, ему к такому и не привыкать! Он оперся задом на белый бок стиральной машины и разглядывал меня, от чего щекам почему-то стало очень жарко. Непривычные-с мы к пристальному вниманию полуголых мускулистых татуированных и бритых маньяков!

Страх-то какой, а не описание...

В голове дурацкой мыслью бился бородатый анекдот.

“ – На меня вчера маньяк напал.

– Сексуальный?

– Очень!”

Я смочила антисептиком ватный диск и занялась делом.

Приятный аромат мужского одеколона щекотал ноздри и вкупе с близостью красивого и такого привлекательного в своей необычности тела кружил голову. Я медленно и вдумчиво обрабатывала царапину, а сама исподтишка разглядывала татуировку. Линии вблизи оказались не чисто черными, а с легкой синевой и как будто даже немножко переливались на свету – но это уже, наверняка, обман зрения.

Я метнула взгляд выше, напоролась на внимательные синие глаза и тут же потупилась, нервно заправив за ухо выскользнувшую прядь. Что вы, что вы! Я приличная девушка!

– И часто вам приходится рыцарей в беде спасать? – вдруг подал голос маньяк, заставив меня вздрогнуть и сильнее чем нужно прижать вату к ране, от чего он тут же дернулся и даже издал короткое шипение.

Я наградила мужчину укоризненным взглядом, скопировав оный у Дуськи и покачала головой, а потом доверительно понизив голос сообщила:

– Вы у меня первый.

Пошлячка Лена! Флиртует и не краснеет!

Красиво очерченные губы дрогнули и расплылись в самодовольной ухмылке. Серьга сверкнула в белом свете дневной лампы. Эх, все же простые эти мужики, как табуретка!

– Какая невиданная честь, – и низкий мужской голос стал еще на полтона ниже. – Я польщен!

Подача принята, одобрена, Мирослав легко включился в древнюю игру, в которой все в конечном итоге сводится к: “вы привлекательны, я – чертовски привлекателен, чего зря время терять?”.

Мысль эта внутреннего протеста не вызывала. Голова продолжала кружиться и что-то хмельное, куражное, незнакомое просыпалось внутри. Разгоралось из искорки в огонек, и огонек этот жег изнутри, посылая по телу волны жара.

Я вдохнула и выдохнула, призывая ошалевший от выбросов всяких-разных гормонов организм к порядку, и принялась наносить на царапину антибактериальную мазь.

– Мне знаете ли тоже, – Мирослав вдруг немного подался вперед, наклоняясь ко мне, и от этого движения моя ладонь, испачканная в мази, прижалась неожиданно плотно к гладкой горячей коже. – До сих пор девиц спасать не приходилось.

Дыхание обожгло ухо и пустило россыпь мурашек от него и вдоль позвоночника.

Ах, что ж ты, ирод, делаешь!

Кончики пальцев, осторожно касающиеся раны, заныли. Острое желание коснуться совсем иначе, провести по рельефу кожи, очертить парочку линий практически обжигало. Никогда я еще не испытывала такой изматывающей жажды прикоснуться к мужчине.

В ванной стало душно и влажно, будто кто-то из нас только-что принял душ с паром. Горячий, горячий душ...

Я представила, как капли воды могут скатываться по этой коже – гладкой и загорелой, как в рекламе какого-нибудь мыла, и поняла, что душ срочно нужен мне – холодный!

Пока я накладывала повязку, вынужденно обнимая обнаженный торс, чтобы сделать оборот бинта, руки едва заметно, но ощутимо подрагивали. Вот только закрепив кончик марли, я не сделала шаг назад, не увеличила дистанцию, на разорвала странное наваждение.

Возможно, потому что мне не дали.

Тяжелые ладони легли на талию – неожиданно весомо и приятно и погладили большими пальцами живот сквозь тонкую ткань.

Глаза в глаза. Нереальная синева и что-то магнетически животное в этом взгляде. Пробуждающее древние инстинкты. Мне хотелось потереться об него кошкой, вцепиться ногтями в твердые мышцы, прижаться так, чтобы на гладкой коже остался запах моих духов.

Наваждение.

Мирослав качнулся вперед, я закрыла глаза в ожидании поцелуя, но вместо этого он легонько боднул меня в лоб и потерся носом о кончик носа. Губы тронуло только чужое прерывистое дыхание. А потом щеки коснулись кончики пальцев, прочертили невесомую линию вниз, по шее, вдоль выреза блузки, царапнули верхнюю пуговицу, заставив меня судорожно выдохнуть и тут же снова задержать дыхание.

– У тебя стресс, – медленно произнес мужчина, снова утвердив ладонь на моей талии, но не отодвигая головы – она все также прижималась к моей.

Было в этом промедлении, в этой нерешительности что-то томительно сладкое. Приятное. Заботится, не хочет воспользоваться. Джентльмен во всех отношениях, даром, что маньяк.

– Стресс, – легко согласилась я. – А стресс надо снимать.

И расстегнула ту самую верхнюю пуговицу блузки, делая вырез уже и длиннее.

Это движение стало роковым, тем самым, которое разрушило тягучее предвкушение. Чужие, твердые, горячие, настойчивые губы впечатались в мой рот, тяжелые ладони вдавили меня во все это прекрасное – мужское, мускулистое, расписное. Грудью, животом, как мне только что мечталось, и я впилась ногтями в жесткие плечи, с ликованием ощущая, как от моего прикосновения под кожей пробежала дрожь.

Я целовала этого незнакомого, совершенно чужого мне мужчину так, как не целовала еще никого и никогда. Так, будто моя жизнь или рассудок зависели от этих поцелуев. Хотя рассудок тут, пожалуй, совершенно не при чем. Как раз-таки наоборот. Безрассудное, сумасшедшее – в омут с головой и не выныривать.

В этом было что-то пьянящее – вот так вот нарушать правила. Негласные правила, диктующие, как следует вести себя приличной девушке из хорошей семьи, а как – категорически не стоит.

Мы поменялись местами, и я оказалась на стиральной машине, и блузка снялась с меня вместе со стрессом, а восхитительные губы теперь терзали нежное полушарие, выглядывающее из кружева бюстгалтера. Не пересекая полупрозрачную границу, но заставляя меня отчаянно этого желать.

Юбка задралась, и грубая ткань мужских джинсов касалась теперь тонкой обнаженной кожи, и от каждого характерного движения бедер, вжимающихся в меня, внутри будто плескало кипятком.

Я никогда в жизни никого так не хотела.

– Ты такая сладкая.

Хриплый шепот на ухо был просто набором звуков, от которого у меня по спине пробежали мурашки, и куда больше меня сейчас волновали пальцы, рисующие причудливые петли на внутренней стороне моего бедра и неотвратно пробирающиеся туда, где их уже давно ждут.

Но звук голоса немного вернул в реальность. Я открыла глаза, увидела плитку, шторку с котятками, стопку Наташкиного белья с кокетливыми розовыми стрингами сверху и неожиданно поняла, что так – не хочу.

Не хочу торопливо, даже толком не раздевшись, отдаться на стиральной машине левому мужику...

...если уж отдаваться левому мужику, так с чувством, с толком, с расстановкой!

И, угрем вывернувшись из ласкающих меня пальцев, текучей водой соскользнув на пол, я ухватила Мирослава за руку и потащила в спальню.

Ноготок скользил по тонкой линии. На очередном пересечении я несколько мгновений раздумывала, куда свернуть, пытаюсь угадать направление, которое выведет меня к соблазнительному завитку вокруг плоского соска. Но лабиринт черных линий был необъятен, как мужская грудь, на которой лежала моя голова, к тому же мне было лень ее поднимать, чтобы внимательнее изучить возможные “ходы”.

Мирославу, кажется, было щекотно, потому что кожа под пальцем иногда подрагивала, но он мужественно терпел, позволяя мне играть с татуировкой. Лежал без движения, прикрыв глаза, только пальцы руки, зарывшиеся в мои волосы, ненавязчиво перебирали растрепанные пряди и массажировали голову.

От этих движений слипались глаза. Сытая томная нега завладела телом, превратила его в пластилин, неспособный гнуться по собственному желанию – исключительно по воздействию извне. А надо было где-то найти силы, чтобы встать, одеться, изобразить какую-то деятельность, пожалуй...

– Как сокращается имя “Мирослав”? – на деятельность меня упорно не хватало, хватало только на дурацкие вопросы.

Палец соскользнул с линии, царапнул по ребру, и мужчина дернулся от щекотки, а я хихикнула, спрятав нос у него на груди.

– Мир.

– Миру – Мир! – жизнерадостно объявила я, приподнимаясь на локте и пытаясь нашарить рукой одеяло, чтобы прикрыться.

– Давай мир пока что без Мира обойдется? – маньяк неожиданно перехватил мою руку. Кувырок – и я оказалась подмята тяжелым телом.

Запястья вдавлены в матрас, и синеглазая тень нависает надо мной почти угрожающе, но мне ни капельки не страшно.

А поцелуй неожиданно бодрит.

Ладно! Ты хотела изображать деятельность? Вот! Изображай! Ради этой даже не надо вставать с кровати, а маньяка можно и чуть попозже выставить...

– С добрым утром, – мурлыкающий шепот на ухо, и губы нежно прихватили мочку уха.

Слегка шершавая ладонь обрисовала изгибы тела, слегка сжав нижнюю округлость, и я выгнулась, потягиваясь – какой приятный сон!..

И тут же подскочила пружиной, вертикально – вверх, как испуганная кошка. Даже волосы так же дыбом встали. Разве что кошки не прижимают к груди одеяло, чтобы прикрыться.

Все свое-то я, конечно, прикрыла, а вот чужое как раз наоборот...

Долго любоваться на дело рук своих не стала. Потому что стыд и позор, Ленка, и не на что там глазеть, даже если и есть на что!

То, что казалось прекрасным и правильным ночью, при свете дня становилось дурацким, необдуманным и откровенно безрассудным. Докатилась! Маньяков по подворотням цеплять и таскать в чужую квартиру. Это почти как котиков таскать, только хуже!

...я представила, как Наташка возвращается домой, а у нее тут вместо двух котов (вместе с двумя котами) маньяк без топора – зевает, трется и жрать просит...

Хотя, если так посмотреть (и вот так, и вот сям, и вообще с любой стороны хорош), Наташка, возможно, была бы и не против...

– Лер...

Мое-не-мое имя вырвало меня из уползших непонятно в какую сторону размышлений и окончательно расставило все на свои места.

– Тебе надо уйти, – твердо произнесла я, глядя сверху вниз в синие глаза. И, подумав, добавила: – Извини.

Ответный взгляд был мучительно долгим, но я и не думала отворачиваться, несмотря на полный и абсолютный душевный раздрай.

– Хорошо, – наконец кивнул Мирослав, поднялся и принялся одеваться. А я метнулась в ванную за его верхней одеждой, чтобы только ускорить его уход и не задерживаться лишнее мгновение в одном помещении.

Он больше ничего не сказал, натянул послушно протянутую футболку и толстовку, вышел за дверь. И едва все не испортил, обернувшись на лестничной площадке. Он открыл рот, а я, не медля больше ни мгновения, захлопнула дверь и провернула замок. А потом, выдохнув, прильнула к глазку.

Мужчина немного потоптался на лестничной площадке, даже поднял руку, собираясь надавить на кнопку звонка, но потом передумал, повернулся и принялся спускаться по лестнице.

Когда бритая макушка скрылась из поля зрения, я выдохнула, сползла по двери вниз и так и осталась там сидеть, как была – голая, растрепанная, завернутая в одеяло.

М-да...

Жжешь, Колобкова!

Отжигаеть прямо-таки.

Кряхтя, как столетняя бабка, я поднялась с пола и переползла в ванную. В зеркало на себя смотреть было страшновато и, как оказалось, не зря.

Удивительно, право слово, что маньяк сам от меня не сбежал!

Длинное шатенистое каре, как и предполагалось – дыбом, под глазами синяки от туши, которая хоть и стойкая, но не настолько, сами глаза – опухшие, болотно-зеленые и заспанные. На щеке – след от подушки. На шее засос, на груди засос, даже на бедре, прости господи, засос. Батюшки, да я вампира подобрала!

Неодобрительно покачав головой на собственное отражение, я принялась набирать ванную. Сейчас как утону, так сразу полегчает!

Дуська сидела на пороге вместе с Люськой, и теперь на меня с укором смотрели две пары кошачьих глаз. “А еще “чесслово” давала! Сразу, мол, выставлю! Ну и мряулодежь пошла!”.

– Так, – вздохнула я. – Я вам банку с кроликом, а вы – ни слова Наташке!

И выпнула обе кошачьи попы за дверь.

Покачиваясь в мягких облаках ароматной пены, я медитировала на шторку с котятками и выдумывала себе оправдания и утешения.

А потом решительно махнула на все рукой.

В конце концов, что такого?

Это просто одна ночь.

Без привязанностей. Без ответственности. Без последствий.

Так и о чем тут переживать?..

Глава 1

Домой! Домой-домой-домой, в любимую берлогу, скорее бы домой!

Лифт еле полз и дребезжал на весь дом металлическим нутром – болтами, шайбами, роликами и тросами.

Лестничная клетка – и я уже почти дома, вот они, желанные двери, и соседка напротив копошится с ключами...

– Добрый вечер, Вера Максимовна.

Ответного приветствия я то ли не дождалась, то ли не услышала. Ну не очень-то и хотелось.

– Да что ж это за мать-то такая, детей на чужую девку бросила, шляется невесть где до ночи... – почтенная пенсионерка бухтела как бы себе под нос, но так, чтобы я точно слышала.

В обычное время я бы и внимания не обратила – Максимовна на весь дом известна мерзостью характера, но сегодня пришлось стиснуть зубы, чтобы не ответить какой-нибудь гадостью. А то огрызнусь, она с радостью вяжется в свару – и готово, настроение безнадежно испорчено, а его потом домой нести, в родное логово.

Но задело, да. Зацепило. Усталость сказывалась – броня ослабла, щиты приспустились. Укол прошел, не смертельный укол, а так, мелочь и пустяк, даже не до крови. Но перекошенную физиономию лучше выправить здесь, перед дверью, а то Адка заметит ведь с её нечеловеческой проницательностью и в два счета вычислит причины.

Нужна мне соседская война на лестничной площадке? Не нужна. Вся это кровища, ошметки мяса по стенам и затяжной грохот артиллерийских орудий с обеих сторон. Адка у меня, конечно, не промах, бесстрашна и свирепа, но на стороне Веры Максимовны возраст, опыт и группа поддержки из всех подъездных “божых одуванчиков”, которые здесь всегда жили, а мы вперлись, квартирантки, кто вас сюда звал, езжайте себе и там командуйте, а то ишь, моду взяли! (Продолжать можно бесконечно).

Пока ровняла лицо, пока подтягивала ослабившиеся ремни на доспехах, и вообще вспоминала как она изображается – счастливая-беззаботная физиономия, наша дверь шелкнула замком, приоткрылась, и на лестничную площадку высунула нос Ада, явно услышавшая, что о ней подумали.

Высунула, зыркнула козым раскосым глазом на меня, на соседку...

– Добрый вечер, Вера Максимовна! – пропела она специальным сладким голосом, от которого у некрупного медведя мог бы приключиться диабет. – А чего это ваших внуков давно не видно? Не дает Маринка? Ой, а почему?... Вы же такая хорошая бабушка!

Соседка пошла пятнами, будто нечисть, которую сбрызнули святой водой, а добрая девушка как ни в чем не бывало ухватила меня за запястье и втянула в квартирное нутро. Занятая раздумьями, подслушивала ли она под дверью или в очередной раз просто метко попала, я послушно втянулась домой. Вся – мысли, характер, проблемы, усталость. Щупальца, ложноножки и тентакли. Скопление молекул, Елена Владимировна Колобкова.

Втянулась – и осела на банкетку у дверей, и вытянула ноги, натруженные за день, и откинулась на стену, запрокинув голову... Устала. Вся, вместе с характером, мыслями и проблемами.

В доме пахло домом. Можжевельником и лавандой – Адка любит траву во всех ее проявлениях, сама удивляется, откуда в ней это, но вот есть и всё, и она с наслаждением тащит в дом ароматные сочетания, подбирает и совершенствует. В интернет за советами принципиально не лезет, интернет ей в этом деле только мешает. Сама, только сама, следуя за своей интуицией, за своим ощущением правильности и уместности.

Пахнет детьми и их детским шампунем – из ванной тянет, и, кажется, неугомонные мои чудовища опять устроили пенную вечеринку, что ж это такое, когда это закончится! Надеюсь, не тем, что мы затопим соседей снизу... А я опять все пропустила, я-люблю-мою-работу!

Духами моими. И тут одно из двух: либо мелкие утащили флакон, а старшая их покрывает, и тогда духов у меня скорее всего теперь нет, а вот это вот последнее скоро выветрится; либо в Адке наконец-то стала просыпаться женственность, и она понемногу примеряет на себя ее аксессуары. Хорошо бы второе, конечно, но тогда надо бы присмотреться, сама ли женственность пробудилась, или есть внешний стимул. И если есть – то нужно на этот стимул внимательно взглянуть, мало ли. Мы девушки разборчивые, нам не всякий стимул подойдет. И проследить, чтобы не вздумал обижать, а то я ведь и машиной сбить нечаянно могу...

Едой пахнет, теплым ужином, и от этого запаха наворачиваются слезы: я, оказывается, так голодна! Я так хочу есть!

Сделав волевое усилие, я отклеилась от стены, потянула вниз молнию на сапоге. А Ада, заперла дверь (верхний замок, нижний замок, цепочка, два раза подергать ручку – ритуал, видишь ли!) и провозгласила:

– А нас из садика выгнали!

Да что ж ты! Рука дернулась, бегунок застрял в молнии, и я спросила, мысленно холодея от ужасных предчувствий:

– На какую сумму?

Так, заведующая мне не звонила, Адка слишком жизнерадостная для крупных проблем, так что вряд ли что серьезное, но попа все равно тоскливо сжалась в предчувствии финансовых потерь.

– Совершенно бесплатно! – хохотнула “старшенькая”. – Дядя Паша сильно ржал, но обещал всё собрать еще до вечера... Но эта корова всё равно нас выперла из садика до завтра.

Дай боженька здоровья детсадовскому сторожу-дворнику-кочегару дяде Паше! Этот добрый человек воспылал привязанностью к моей зондер-команде еще при знакомстве и с тех пор исправно чинил, клеил, скручивал и таскал тайком в мусорный бак не подлежащее ремонту. Покрывал, словом, моих беспредельщиков. Если бы не он – подозреваю, выперли бы нас давно из сего славного дошкольного учреждения...

Корова – это заведующая детским садом, Лора Федоровна, дама тучная, дородная и... э-э-э... сложная! Да. Это хорошее слово. Сложная. Если быть честной, я ее понимала, мои детки тоже не мед с халвой. Но если быть еще честнее, как же я заколебалась ее понимать!

Я подергала бегунок на молнии туда-сюда, поняла, что закусился он намертво, сдалась и взялась за второй сапог.

– Ты рассказывай, рассказывай, душа моя, не стой, потупив взор! – подбодрила я свою няню, подругу, подопечную, старшую приемную дочь и младшую названную сестру в едином лице.

Она меня услышала, но увы, лишь отчасти: перевела взгляд на потолок, ручки за спину, ножки крестиком... Батюшки святы, театр одного актера, ТЮЗ на дому!

На всякий случай я тоже посмотрела вверх. Потолок как потолок, не протек, не обвалился, и спасибочки ему за это.

– Ада, – вкрадчиво напомнила я о себе.

Она вздохнула и поведала мне последние вести с детсадовских фронтов. Вести оказались фееричны: мои чада разобрали три детские кровати. Три. Кроватки. Разобрали мои дети. Мои дети. Не так давно справившие трехлетие. Иногда мне просто интересно, каким чудом все еще стоит на фундаменте наш дом? Ведь в нем же столько всего интересного! Электричество, газ, канализация! Как они еще живы-то, отпрыски мои? Педагогическими талантами Адки, не иначе.

Мучительно хотелось разреветься, бросить в стену сапог и закатить картинную истерику, и чтоб меня непременно утешали.

Подумала и не стала. Ну его, завтра физиономия опухшая будет, а на работе гости столичные заявятся, а тут я вся такая красивая. А сапог вообще с ноги не слезает, потому что я его расстегнуть не могу, как в таких условиях его в стену швырнуть?

Какая-то я не внезапная стала. Не порывистая.

Старость, наверное.

Потом вспомнила, что никогда-то я внезапная и не была, и хотела было совсем загрустить, но вместо этого, наоборот, успокоилась и аккуратно расстегнула второй сапог.

Ура, без приключений!

Полюбовалась ногами: одна длинная, красивая, на умеренном, но изящном каблуке, а вторая счастливая и свободная.

– Помоги, а?

Адка хмыкнула и нагнулась. Секунда, вторая – и непокорный замок сдался.

Задумчиво пошевелив пальцами, я вздохнула:

– Завтра я рано уеду, так что, когда мелких повезешь в детсад, возьми из НЗ денег и купи игрушку. Подаришь садику.

И на причитания “Да когда ты уже вашего юриста соблазнишь, пусть он эту жабу ненасытную засудит насмерть, там весь парк игрушек за наш счет уже второй год пополняется!” только хмыкнула.

Песенка была привычная, мотив родной. Но что поделать – Лора Федоровна нам жизнь осложнить может запросто, а юриста нашего, Артема Цвирко, я терпеть не могла и имела по этому поводу полную взаимность.

Я считала его скользким, наглым и не слишком-то чистоплотным в моральном плане. Он меня – стервой, готовой за деньги Родину продать.

Другими словами, мы изо всех сил делили влияние и толкались локтями за место рядом с начальником. Ну, и оценивали друг друга адекватно, да.

С соблазнением в таких условиях не развернешься.

– И, Ада, как так вышло, что Лорочка позвонила тебе, а не мне?

– Пойдем, я тебя ужином накормлю!

Вот и поговорили!

А еще у меня даже ноздри затрепетали от нетерпения.

Точно, я же голодна! Я просто опять забыла об этом, а теперь вдруг разом вспомнила!

А на кухне меня ждал сюрприз.

Паста с морепродуктами.

Ада это дело любила, но считала по нашим доходам дороговатым, и потому блюдо у нас было не то чтобы праздничным – но требующим какого-то события.

Что у нас ещё стряслось?

Простите, но три разобранных койко-места я даже за события не считаю!

– Ада?

– Что?

– Ада!

– Ой, да ладно! – она вдруг смутилась. – Ну на тебя просто смотреть больно с этим визитом! Вот я и... Утешить!

Последние дни выдалась напряженными. Драгоценные столичные гости, набивающиеся к нам в партнеры, начали мотать нервы еще до собственно визита, на стадии подготовки. То есть, гости ничего такого ввиду может и не имели, но нервы мотались. И Адка, выходит, золотая моя девочка, всё это видит.

Н-да, я думала, я получше держу себя в руках, да и навыком оставлять работу на работе овладела давно. Ан нет. Увидела и сделала, что могла. Оградила меня от проблем с детским садом и приготовила пасту с морепродуктами.

Неспешный, тихий разговор о дне минувшем.

Блаженные сорок минут в ванной – релакс-который-я-заслужила.

И бесценные мгновения счастья в комнате у спящих детей, когда нежность болезненно подкатывает к горлу и закипает на глазах горячим, соленым. Когда ты страстно, неистово клянешься себе и им в очередной раз, что преодолеешь всё-всё, потому что главное у тебя уже есть. И любви к ним так много, что она просто распирает тебя, и кажется, что сейчас разойдутся швы и любовь хлынет из тебя всезаливающим потоком...

Из детской я выходила крадучись, ступая мягко и осторожно.

Чтобы не разбудить паршивцев.

А ночью я проснулась, как от удара. Подорвалась с кровати, успев мельком заметить время на часах – три ночи. Еще непроснувшееся тело запнулось о ковер, споткнулось, а я, до краев наполненная ужасом, даже не заметила болезненного удара коленями о пол, вскочила и снова рванулась. Из спальни – в общую комнату, скорее, скорей, спотыкаясь и задевая неуклюжим телом мебель и дверные косяки, без причин, без оснований, просто зная – беда!

Адка спала. Тихо. Мирно.

Не было беды.

Вот, видишь, уймись, приближая, всё в порядке! А что руки трясутся и внутренности обливают ледяной жутью – ерунда, скоро пройдет.

Спит. Просто спит. Всё хорошо.

Я осторожно качнула ее за плечо... Ноль реакций.

Устала. Не надо ее будить. Весь день с мелкими – это вам не фунт изюма. Грех мешать человеку после такого спать.

Я потрясла узкое девичье плечико чуть сильнее. Нет реакции.

Рот заполнила вязкая кислая слюна, в животе мерзко затянуло.

– Ада, Ада! – расслышала я со стороны свой шепот, сначала осторожный, а потом напористый. – Ад, проснись!

Её рука безвольно соскользнула с дивана, костяшки пальцев стукнули об пол.

А дальше я растворилась. Набат, который удалось было задавить, снова грянул по моим нервам. Но мне уже не было до него дела. Мир стал прост и понятен, и развернулся во времени и пространстве, а я была в нем стрелой, летящей к цели. По идеальной прямой, кратчайшим путем. В этом мире мне очевидно было, что следует делать. Даже странно, что я потратила столько драгоценных мгновений на какие-то бессмысленные глупости, вроде сомнений и паники.

Я, рыдая в телефон: “Я просто проходила мимо и случайно заметила, что с ней что-то не так! Скорее, скорее, она умирает!” – вовсе не хотела рыдать. Я просто старалась привлечь к себе как можно больше профессионального внимания. Мне было необходимо, чтобы на том конце связи мне поверили. За нас испугались. И щедро делилась в трубку своей паникой.

А потом я перемещалась по квартире рывками: документы, одежда, белье, телефон. Адкина сумка.

В мою – телефон, зарядное, кошелек. Заначку с неприкосновенным запасом. Всю – не жмись, Ленка, ты их на черный день и откладывала. Верхняя одежда, обувь – грудой у двери.

И паники больше не было. Была хищная злоба, готовность рвать на куски, зубами выгрызть у судьбы Адкину жизнь. Звериное, первобытное, страшное поднялось к поверхности со дна моей души, и оказалось, что там, моей в душе, его было на удивление много. Я не

сопротивлялась этому древнему. Зачем? Если кто-то встанет сегодня между мной и целью... что ж, это его выбор.

Я делала все быстро, собранно и, только стучась к соседке снизу, поняла, что стою перед ее дверью в одном тапке. Отметила это с полным равнодушием и продолжила стучать. Звонок у нее второй год не работал, а телефон эта чудесная старушка, сидевшая с моими мелкими с тех пор, как Адка поступила на первый курс, на ночь благоразумно отключила. Но ничего. Я не гордая.

В приоткрытой двери наконец появилось заспанное лицо пожилой женщины, и я зачестила скороговоркой:

– С Адкой беда, я с ней в больницу, переночуйте у нас, умоляю, они уже спят, просто переночуйте у нас на всякий случай!

И она отозвалась заторможенно:

– Хорошо, сейчас я приду...

– Да, да... я сейчас сбегаю вниз, скорую встречу, а вы да, собирайтесь, конечно...

– Да, конечно, милая... – И взгляд, настороженно опустившийся по мне от макушки до ног. – Леночка! Вы бы обулись...

– Да, я... я сейчас, да.

Вверх по лестнице, домой – проверить, есть ли у Адки пульс, отметить, что лицо ее стало вроде бы бледнее – веснушки проступили еще отчетливее.

Вниз, большими скачками, не приехала ли скорая?

Да, вот она – белая карета с характерной маркировкой, и ребята в синих форменных куртках поднялись за мной.

Они задавали прямо на ходу вопросы, и я отвечала, попутно понимая, что грош цена моим ответам – были ли травмы? Имеются ли хронические или наследственные заболевания? Она на что-то жаловалась в последнее время? Употребляет ли больная какие-либо препараты, иные вещества?

И я могла ответить разве что на половину, да и то без уверенности, потому что понятия не имела о ее наследственности, да и с жалобами – Адка не жалуется! И только на последний вопрос сорвалась, агрессивно окрысившись – но тут же взяла себя в руки и извинилась.

Буднично и деловито у Адки проверили пульс и сунули под нос ватку. По комнате поплыл резкий запах нашатыря. Нет эффекта.

У меня в висках стучало. Я сосредоточенно, безотрывно следила за крепкими широкими руками врача, проводившего осмотр. Зрачки, давление, ЭКГ...

Щелкнул замками, раскрываясь, чемодан с медикаментами. Серебристая игла проткнула кожу и вошла в вену на сгибе локтя.

Замершие, зависшие в воздухе мгновения, когда человек в синей куртке с нашивкой “Скорая помощь” ничего не делает. Он ждет, сжав хрупкое, бледное запястье.

И дрогнувшие ресницы – символом возвращения.

Снова расспросы – и дивная новость! Она, оказывается, вчера упала и ударилась головой. Да, головные боли были, но несущественные, и она не обратила внимания. Нет, голова не кружилась – ну... может один раз, утром, но это же у всех бывает! Нет, не тошнило. Да, точно не тошнило. Да правда не тошнило!

Мне хочется взять лопату и добить дуру, чтобы не смела больше молчать. Не смела так пугать. Либо сползти на пол и рыдать, уткнувшись в колени и накрыв голову руками.

Я ее сожру. Начну с ног.

– Сейчас как себя чувствуете?

Адка мнется, и я вижу, что она мучительно хочет соврать, но под моим взглядом не решается.

– Ну... Мутит... чуть-чуть. И слабость...

– Голова болит, кружится?

Моя балда кривится, мнется, но сознается, что да. И болит, и кружится... Слегка. Немножко. Уже проходит!

Желание дать ей по ушибленной башке лопатой становится непереносимым.

– Так, понятно. Мы ее забираем. Соберите вещи и документы. Есть кому поехать с ней?

– Да, конечно!

Адка пытается вякнуть что-то против, но затыкается на полуслове, поймав мою многообещающую улыбку, и покорно натягивает на себя одежду. Её слегка пошатывает, и врач сердобольно придерживает мое долговязое чадushко за плечо, а я...

А мне так ее жалко в этот момент, что я даю слабину и отменяю данное самой себе обещание, сожрать идиотку с костями, как только ей станет лучше.

Черт с тобой, живи! Не буду я от тебя отгрызать по кусочку за это твое молчание, за пренебрежение к самому ценному что у тебя есть – к себе... Что с вами, недолюбленными, поделаешь.

– Гематома, – объявил мне усталый врач ближе к шести утра. – Не слишком большая, не беспокойтесь. Пройдет курс лечения, будет как новенькая...

Эти два с половиной часа я провела под дверями ординаторской. Скорее всего доктор надеялся, что я куда-нибудь саморассосусь – очень уж тоскливым сделался его взгляд при виде меня – но что поделать. У всякой профессии свои недостатки, а у его – еще и мои.

Я поехала не зря, хоть неразумная моя няня и намекала, что это ни к чему. Еще как к чему оказалось – эти чудесные люди, дай им бог здоровья и зарплат внушительных, собрались отложить МРТ на утро. Простите великодушно, но зачем мы тогда сюда среди ночи приехали? Могли бы с тем же успехом явиться утром!

Вранье, конечно – в больницу мы отправились, потому что я до ужаса перепугалась этого ночного обморока. А потом еще и в карете скорой помощи догналась, выясняя у мировой паутины, чем нам может грозить удар головой при падении (“с высоты собственного роста” – любезно подсказал мне поисковик).

В больницу я приехала уже накачанная страхами до нужной кондиции, и когда сонный дежурный врач попытался убедить меня, что там ничего страшного, и всё прекрасно ждет до утра, я просто улыбнулась.

Улыбка эта у меня проходила под названием “Кое-что из личной жизни богомоллов”, она таилась в углах губ, путалась в углах глаз, пряталась в ямочке на щеке...

Восхищайся мной. И бойся меня.

Доктор сглотнул.

Смотри, мужик, смотри. Такого тебе по “Дискавери” не покажут.

Это улыбка человека, который тебя сожрет. Но сначала вы... мозг вынесет.

Мое мягкое женское обаяние сделало своё дело.

Доктор отчитывался мне о результатах тоном “я же говорил”. Ничего по-настоящему серьезного, пройти лечение необходимо, но прогноз благоприятный.

– Езжайте домой. Вам не о чем волноваться!

Он говорил так, будто волноваться изначально было не о чем, и я устроила панику из ничего.

Но... Но я откуда-то знала, что в тот момент, когда игла шприца вошла в Адкину вену, ее организм решал, по какую сторону жизни ему свернуть.

«Тигрик» сыто урчал мотором и вез меня трудиться. Адкин врач всё же сумел вытурить меня со своей территории почти сразу после отчета о проделанной работе, и благодаря этому мне хватило времени принять душ, собраться, расшаркаться с Марией Егоровной, сунуть двой-

ную плату за ночные часы, не слушая слабых попыток отказа, оставить инструкции по поводу детского сада...

...а еще наобниматься, натискаться, надышаться – сонных, сладких, жмущихся ко мне. Полуоткрытые с ночи глазенки, и трущие их кулачки, и волосы пепельно-русые дыбом. И секретки прошлого дня на ушко. И снова это пронзительно-острое чувство нежности и желание остановить мгновение, остановить гонку, застрять вот в этом – сладком, сонном.

Ну ничего, скоро отпуск.

Так что к месту трудового подвига я ехала свежая. Но злая после бессонной ночи. Того и гляди, что-нибудь упущу, допущу, задушу... Хотя последнее – из другого ряда. А жаль. Сегодня я бы да.

Ночью выпал снег и прилично, пожалуй, рекордно на эту зиму. Коммунальщики сработали оперативно: прочистили, отсыпали. Молодцы. Могут же, когда хотят! Едь и радуйся!

Радости хватило на две трети пути: стоило свернуть с трассы на повороте на Лабазное, радость закончилась, я оказалась в местах, где не ступало колесо снегоочистительной техники.

– Ну не козлы ли, а? – от души спросила я снежную целину. – Ведь договаривались же, по-человечески!

Здесь из населенных пунктов – только Лабазное и Денисовка, а за ними уже наша база отдыха “Тишина”. Села небольшие, чистить их особо не спешат, так что Максим своевременно озаботился вопросом. Сделал благотворительный взнос муниципалитету “на обеспечение транспортной доступности заповедника”. Заповедник-то вот он, рядом с нами, и поворот проселочной дороги в его сторону прямо перед воротами базы, так что и к нам дорога в любом случае прочищается, а заповедник что, наша база с заповедника живет, так что в их доступности мы тоже кровно заинтересованы...

Нам клятвенно обещали, что наш участок дороги будет чиститься в первых рядах. А на деле, выходит, муниципальные власти деньги у хозяина “Тишины” взяли, а на клятвы с обещаниями положили болт.

Сволочи-подлецы-негодяи! Злоба, только ждавшая повода, чтобы воспрянуть духом, пришлась как нельзя кстати. Я мельком взглянула на часы. До начала рабочего дня запас есть. «Тигрик» взвизгнул шинами, разворачиваясь.

– Алло! – хрипло отозвалась на мой призыв гарнитура, когда через полчаса я снова вернулась на курс и названивала начальству.

– Я комбайн снегоуборочный везу, – вместо “здравствуй” объявила я. – Сейчас внутреннюю территорию как игрушку уберем.

– Молодец, – согласился Максим. – Сколько денег мы теперь должны?

– Натурой сочтемся, – пообещала я, внимательно следя за дорогой. – Это Сереги Балоева, у него дочь работу ищет, я обещала к нам устроить. Кстати, ты сегодня что, на базе ночевал? Ты в курсе, что нас с утра еще не чистили?

Молчание, тяжелое, как матерное слово, стало мне ответом. Нехорошее молчание, и я поторопилась его разбавить:

– Я договорилась, Серега грейдер выслал, счет через хозяйство выставит. Но...

Добавлять что-то еще я не стала. Разумная осторожность – секрет профессионального успеха, а судя по молчанию в трубке, Максим Михалыч Елистратов, любимый мой начальник, курага моего сердца, инжир души моей, и так опасно близок к геноциду.

– И именно сегодня! – произнес Елистратов наконец, явно задушив все другие слова, что рвались наружу.

И я вспомнила.

Сегодня день Хэ.

Сегодня к нам приезжают столичные гости, которые рвутся в партнеры и считают, что они тут уже практически хозяева.

Твою-раскую.

Спасибо вам, силы небесные, что я не пообещала Балоеву трудоустроить его дочь вот-прямо-зас. Только необученного администратора при важных гостях на базе и не хватало!

Я прищипорила железного коня, и он радостно надал ходу.

Взгляд на часы. Уже восемь, уже можно и позвонить.

– Ада? Солнышко, как ты? Да, из машины звоню. Нет, через гарнитуру. Ад, ну что за детский сад, конечно, через гарнитуру, я же обещала! Давай, рассказывай, как ты? Да что мелкие, их Мария Егоровна отведет, о мелких вообще не думай, это не твоя головная боль – и да, за головную боль мы еще отдельно разясним. Мне пока что доктор волновать тебя запретил, а так мне есть, что сказать, ты не думай, дорогая! Да, я отдохнула перед работой. Нет, не вру. Ну что за глупости, не стану я детьми из-за такой ерунды клясться! Ада! Ты мне расскажешь, в конце концов, как у тебя дела?!

Забор из заостренных бревен, врытых вплотную. Высокий, бронзово-красный на стесах, а ниже потемневший от времени... (Вранье, от противопожарной антисептической влагостойкой пропитки он потемнел. Но сурово и стильно.).

Деревянные ворота бесшумно разошлись перед носом моей машины и так же тихо и внушительно закрылись за спиной. М – магия. (Опять вранье, охранник в будке, спрятанной за елями, в камеру разглядел номер авто и лицо водителя и открыл ворота с пульта).

Дежурная смена на въезде обменялась со мной приветственными кивками.

Я привычно и абсолютно автоматически, помимо участия мозга, обшарила взглядом подъездную территорию. Ну, здесь порядок, молодцы.

И снова сосредоточилась на допросе Адки по телефону:

– Тебе всего хватает? В палате не холодно? Как соседи?.. Нет, ноутбук без разрешения доктора не привезу. Господи, да не думай ты про свой университет! Никуда он от тебя не денется! Я сегодня же позвоню... Ну, хорошо, хорошо, ты сама, как скажешь! Ты, главное, лечись, и ни о чем не беспокойся, ладно? Сейчас всё, кроме твоего здоровья, второстепенно... Господи, Адка, как ты меня напугала!

Я заглушила мотор и, хлопнув дверцей внедорожника, вышла из машины на стоянку, которую уже начали чистить, а от парковки между кустов уходила расчищенная дорожка к административному корпусу.

Ну, здравствуй, прекрасный новый день!

Прекрасный новый рабочий день.

Здесь, внутри территории, отгороженной от внешнего мира и дикого (бугага!) леса высоким забором, было хорошо. Правда, хорошо. Какой-то особой хорошостью.

Стилизованные под старину высокие терема, числом два – направо административный корпус, налево гостевой. За административным теремом – службы, бани, конюшня. За гостевым – домики под сдачу, уходящие вглубь территории: невысокие бревенчатые избышки. Крыши, почти упирающиеся в землю, покрыты теми же бревнами, расщепленными пополам (для этого же есть какое-то мудреное слово, которое я не помню, и слава богу, и так голова, как свалка). Конек каждой оседлал резной деревянный зверь. Официально, избышки пронумерованы. А на самом деле, гостю выдается брелок в форме фигурки, выпиленной на коньке, и на нем болтается ключ. В итоге, на стойке администратора они обычно говорят – “Мы в “сове” живем”. Или – “Девушка, мы из “медведя”, пришлите, пожалуйста, уборку”.

Я усмехнулась. Вдохнула свежий морозный воздух.

Тишина.

Хорошее имя Максим дал своему детищу. Я бы назвала такую базу “Княжий терем” или “Княжье подворье”, как-нибудь так. И это было бы хуже.

Запрокинула голову в небо, чувствуя, как холод щиплет лицо, и в голове проясняется наконец.

Первый глоток воздуха этого места всегда бальзамом ложился на душу и тело. Потом, в суе трудового дня, это ощущение, конечно, смазывалось, растворялось. Таяло в людях и работе. Но первый глоток всегда был только мой.

– Доброе утро, Еленовладимирна! – Сень Нестеров деликатно дождался, пока я отомру, и только тогда подал голос.

Наш механик только с виду казался нелюдимым и диким. А в деликатность умел получше многих. Вот и сейчас не счел возможным прервать момент.

– Привет, Сень, – я протянула ключи.

Он за ними и подошел – перегнуть в машину в гараж, возможно, сплясать какой-нибудь шаманский танец вокруг.

– Кто-нибудь из дворников уже пришел?

– Угу, – кивнул вечно нахохленный Нестеров. – Марат уже на территории, на обход пошел, а Леха только подъехал, еще в здании.

Неплохо. По случаю снегопада два дворника из трех приехали пораньше – это ценно.

– Сень, в Тигрике в багажнике комбайн снегоочистительный, как парни появятся, выдай, пожалуйста.

– Он на дизеле или на бензине?

– Не знаю.

– Заводится как?

– Понятия не имею.

– А инструкция где?

– Мне не дали.

– Я понял, Елена Владимировна, – буднично кинул Семен.

Ни тебе иронии. Ни тебе недовольства. Задача уточнена и принята к исполнению.

Вздыхнув, я признала провал очередной попытки нащупать у Нестерова чувство юмора и нырнула в машину.

Сережа Балоев свою игрушку любил с тем же пылким трепетом, с каким я любила «Тигрик», и к заводской инструкции приложил рукописные ценные указания. Акт приемки-передачи я из папки выдернула, а остальное отдала Семену:

– С возвратом!

– Угу, – и взъерошенная макушка ткнулась в документы, а я забрала сумку и пошла на рабочее место.

У самой живой изгороди оглянулась:

– Сень! А парковку кто чистил?

– Максим Михайлович сегодня на базе ночевал. Когда я приехал, он уже заканчивал.

Какая прелесть! Все же, я определенно в своей жизни сделала что-то очень хорошее, если бог ниспослал мне сначала Елистратова, потом Адку.

Такого начальника надо беречь и ценить.

Я вошла в небольшой уютный холл с ресепшеном, кивнула двум девушкам: одна за стойкой, вторая – перед.

– Доброе утро, Елена Владимировна!

– Доброе, девочки. – я притормозила у стойки. – Ну, что у нас за ночь?

– Пятнадцатый номер вчера досрочно освободился, а так все в порядке! – бодро отрапортовала Маша, сдающая.

И Рита, заступающий администратор, согласно кивнула:

– Смена на месте, начинаем пересменку?

– Начинайте. Я у себя.

И нырнув в неприметную дверь сбоку от стойки, я поднялась по лестнице на второй этаж. Здесь у нас бухгалтерия, юрист и я, старший администратор. На третьем – кабинет директора, секретарь и комната отдыха.

Кабинет Цwirко был заперт – юрист еще не появился. Так, не забыть, когда появится, попросить провентилировать наш договор с городом касательно дороги к заповеднику.

Мой кабинет встретил застоявшимся теплом и зимним утренним сумраком. Привычный утренний ритуал: включить свет, запустить компьютер, открыть окно. Всё, можно садиться за стол и начинать работать: пока я возилась с заедающей рамой, умная машина как раз загрузилась и развернула на рабочие программы.

Я села в свое любимое, обжитое кресло.

Проверила, какие у нас изменения за ночь с бронированиями на сайте.

Подавила желание позвонить Марии Егоровне.

Выпила кофе.

Подавила желание позвонить Марии Егоровне.

Разобрала почту на спам и рабочие письма. На рабочие – ответила.

Положила на место телефон, на котором уже почти набрала номер соседки.

Прочитала мантру “Лена, держи себя в руках!”.

Приняла у сдающего администратора отчет и кассу за сутки.

Дальше стало легче: после пересменки и сведения финансовой отчетности отвлекаться на посторонние мысли было уже некогда, старшие служб подходили по очереди, каждый к своему времени, и эта ежедневная процедура поглощала полностью. Кухня, садовник, техник, лесовед...

Десять утра! Всё, можно звонить!

– Мария Егоровна, доброе утро! Как вы?

Семь минут разговора – и меня ненадолго отпускает. Мелкие хорошо позавтракали, хотя и покапризничали немного. В садик добрались без приключений, воспитателю сдались с рук на руки, и вообще, “Леночка, ну не волнуйтесь вы так, всё будет хорошо!”

Хорошо бы, конечно!

Поговорить с Цwirко по поводу договора с дорожниками – галочка.

Спуститься на кухню, пробежаться с инспекцией и снять пробу с утвержденного меню – сделано.

Проконтролировать уборку номеров в “тереме” – есть.

Передний двор от снега уже расчистили, и теперь комбайн гудел откуда-то из глубины территории, от избушек. Сходить, спросить, что ли, о впечатлениях? Я бросила взгляд на часы: без десяти одиннадцать.

Нет, после планерки схожу. Опаздывать к директору у нас не принято.

– Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие, – зашел с классики образованный шеф и, переждав наши вежливые улыбки, продолжил: – Но сперва – текущие вопросы. Маргарита Анатольевна, начинайте.

Бухгалтер качнула внушительным бюстом и озвучила. Из ее звуков выходило, что какие-то деньги у нас есть, и, вполне возможно, зарплату в этом месяце мы все получим, но если Елена Владимировна не прекратит плодить расходы – то возможно, что и нет.

Вообще-то, “Тишина” давно и стабильно работает в плюсе. Но у Маргариты Анатольевны есть тайная бухгалтерская суперспособность: сообщать об этом с таким пессимистичным над-рывом, что невольно начинаешь ждать немедленного разорения, а то и вовсе долговой ямы.

Поэтому Елена Владимировна, с одной стороны, привычно сделала внимающее и готовое к диалогу лицо, а с другой – вывод, что счёт за грейдер Балоев уже выставил. И она хотела уже рассказать миру, какая она умница и как спасла сегодня утром ситуацию, но Цwirко, поганец, успел выслужиться раньше:

– Я дорожникам позвонил, выяснилось, что наш договор они в глаза не видели, и деньги тоже осели, не доходя до них, а чистили они нас всю зиму по устному распоряжению сверху и скрипя зубами, – бодро вступила лысеющая сволочь. – Но вчера-сегодня у них завал, жилые районы чистить не успевают, поэтому на устные распоряжения...

Цвирко быстро взглянул на нас с главбухом и подобрал приличное выражение:

– Не осталось ресурсов. Договор на почту я им отправил, о санкциях за нецелевой расход благотворительных средств предупредил.

Ай, молодец какой! Благодетель! Что б мы без тебя делали!

Ну и ладно. Ну и успел первым отчитаться... Ну... Ну, не очень-то и хотелось!

– Елена Владимировна, что по вашей части?

– По нашей части, Максим Михайлович, всё как всегда, полный порядок, – с некоторым профессиональным снобизмом отчиталась я.

Мол, не то, что у дорогого Артема Денисовича, у которого договора не исполняются! У меня-то всё как часы!

У Цвирко еле заметно дернулась щека. Шпилька прошла, и я почувствовала себя отмищенной.

– Из восьмидесяти номеров заняты семь, в том числе четыре избушки. Сегодня освободятся три номера, после двух часов дня ждем заселения еще в два...

Текущие дела закрыли быстро, и Максим дал отмашку:

– Что у нас с подготовкой к гостям?

Гости, любые, хоть прибыль несущие, хоть убыток – это епархия старшего администратора, и я с готовностью отозвалась:

– Номерной фонд подготовили на выбор, кухня готова – кстати, у них там кто-то из четверых вегетарианец, имейте в виду. Администраторы предупреждены, что малый конференц-зал до конца визита держим свободным. Культурную программу с Новицким обсудили, он молодец, всё грамотно продумал и очень в нашем духе. С заповедником договорились. В смету предварительно уложились.

Маргарита Анатольевна благосклонно кивнула, принимая мой реверанс к сведению.

– К двум часам готовы принимать! – закруглила я всё вышесказанное.

На этом мое официальное участие в совещании по большому счету было логически исчерпано.

Строго говоря, мне на нем больше в принципе делать особо нечего было: старший администратор фигура, конечно, в нашем бизнесе важная, в многих отношениях вообще – ключевая, но... Старший администратор рулит здесь и сейчас, и немножко завтра, и в этом я сильна и хороша. В долгосрочные планы и стратегии развития я не умею.

– Все свободны, – закончил Елистратов совещание, когда ключевые моменты были оговорены.

Задвигались стулья, Цвирко что-то спросил у Завгородней, а я прикинула, что надо бы сейчас пробежать по гостевым домикам и расспросить все же парней по поводу комбайна.

– Елена Владимировна, задержитесь.

Главбух с юристом вышли, обсуждая свой вопрос, а я присела обратно на стул, вопросительно взглянув на любимого начальника.

– Лен, что случилось?

– Адка в больницу загремела, – мрачно призналась я.

Задаваться вопросами “откуда узнал?” да “как заметил?” я перестала уже давно. Хотя гарантию могла бы дать, что веду себя как обычно и по внешнему виду о моих неприятностях не прочитаешь.

Максим подтолкнул меня нетерпеливым взглядом – “не телись, рассказывай!”. Я поморщилась и рассказала. Во-первых, моя семья – моя персональная ответственность, конечно, но

Максим сильнее, умнее и дальновиднее. Если я что-то упустила – он заметит. Во-вторых, наши с ним отношения далеко выходили за рамки рабочих.

В чем-то дружеские, а, скорее, очень близко к партнерским.

Максим внешне открыт, а на деле нелюдим и замкнут.

Из всего своего окружения безусловно доверял он только мне.

А я за него пошла бы и в огонь, и в воду, и ползком по канализационным трубам. Ни секунды не сомневаясь, что потом Макс придет и зверски накажет всех, кто загнал бедную маленькую меня в такие экстремальные условия.

По необъяснимым причинам, у нас с Елистратовым была мгновенная и обоюдная эмпатия. Сексом тут и не пахло, максимум – я могла словить эстетическое любование этой небритой рожей, когда владелец удосуживался ее побрить (вот как сегодня). Светловолосый, светлоглазый, здоровенный – красавец же! Богатырь! Просто... ну, иногда я считала Макса за еще одного своего ребенка. Иногда такое случается – ребенок под два метра ростом одного возраста с мамочкой. Чудеса природы!

И Артем Цwirко, формально стоящий вровень со мной иерархически, может хоть из шкуры выпрыгнуть, пытаясь оттереть меня от начальника, но единственное, что сумеет – утереться.

А того, кто расскажет Максиму про моду на бороды, я лично зарублю топором.

Макс, выслушав мой рассказ, зыркнул на меня исподлобья:

– Помощь нужна?

Я почесала бровь:

– Пока нет. Но если припрет, не сомневайся, обращусь.

Елистратов кивнул задумчиво, а я прикусила язык, чтобы не задать в очередной раз сакраментальный вопрос: ну, ка-а-ак?! Как ты определяешь, что с кем-то что-то не так?

Среди моих знакомых так умели двое: Макс и Адка. И если моя коза и сама не знала, как у нее это выходит, то с Елистратова, я самым дорогим чуяла, можно поиметь внятную методику. Но увы, дорогой начальник вёл себя жлобски, на вопросы морщился, утверждал, что я несу глупости и ценное умение распространять среди последователей отказывался. А жаль. Очень бы мне пригодился такой навык! Особенно с некоторыми упрямыми козами.

– У тебя еще что-нибудь есть? – мне после обсуждения веселой ночи полегчало, и я вспомнила, что у меня здесь еще и работа есть, и ее нужно работать. Удивительное дело! – Тогда я пойду.

– Подожди, – попросил Макс и отчетливо помрачнел.

– Чего? – оживилась я, потому как по мрачной физии уже догадывалась “чего”.

– Галстук мне сейчас завяжешь, – угрюмо, совсем не разделяя моего веселья, попросил шеф и ушел переодеваться, а я развеселилась уже окончательно.

Мой начальник, наделенный всеми и всяческими достоинствами исключительно щедро, в одежде предпочитал джинсы-свитера и невыносимо страдал, когда обстоятельства вынуждали его втискиваться в костюмы.

Мрачная физия – это вам не гидрометцентр, исключительно точна в прогнозах!

Глава 2

Они появились пунктуально, к двум часам дня, тремя машинами. Красиво, синхронно остановились, одновременно открыли двери черных “бэх”, сверкающе-блестящих сверху, но уже успевших животами собрать пробы грязного снега со всех окрестных дорог. Вышли так слаженно, будто долго репетировали перед этим. Мне раньше казалось, что такое только в фильмах бывает, даже в голове на заднем фоне заиграло что-то вроде “имперского марша”...

Я бы соврала, если бы сказала, что сразу его узнала.

Нет, когда делегация вышла из машин и, построившись клином, то бишь, свиньей, направилась к нам, стоящим на крыльце (как будто с хлебом-солью, но без), у меня в голове и мыслей подобных не мелькнуло, я только отметила – красиво!

Четверо: трое мужчин и дама. Один из мужчин впереди, остальные за ним в ряд. Очень породистые, холеные, это видно даже на расстоянии было, только один подкачал, уродился плюгавым задохликом, но его предусмотрительно затерли в середину. Наверное, чтобы не смазывал эффект.

Когда мы принялись радостно жать друг другу руки (на деле корчить сдержанно-приветливые рожи и стараться не ломать пальцы), я зацепилась за знакомую синеву глаз.

Но вздрогнула и прозрела только когда в мешанине имен прозвучало “Мирослав Радомилович”.

Удар молнии. Пропать, разверзшаяся под ногами. Рояль, рухнувший с девятого этажа прямо на голову. Здоровенный такой роялище...

Кто выключил воздух? Включите немедленно! Женщине дурно!

От сдержанно-крепкого рукопожатия теперь горела ладонь. Я старалась не глазеть на него, но все равно глазела.

Бритый череп сменила стильная стрижка, нарочито небрежная, как сейчас модно. Густые пепельно-русые волосы. Серьги не было, хотя, если приглядеться, было видно, что след от нее окончательно так и не зарос. Мужское пальто, ладно сидящее на красивой фигуре, которую тогдашняя бесформенная толстовка с черепом скрывала.

“Боженька, за что?!” – мысленно взывала я, улыбнулась, задействовав самое страшное оружие в своем арсенале – ямочки на щечках и искреннее дружелюбие, и пригласила дорогих гостей следовать за мной, раз уж прямо сейчас провалиться, откуда явились, они не могут.

Панические мысли вырывались за пределы головы и носились по всем организму, вызывая то слабость в ногах, то дрожь в коленях, то еще какую блажь. Очень, знаете ли, непросто призвать к порядку нервы, когда ты смотришь на мужчину и получаешь исчерпывающую информацию о том, как будут выглядеть через тридцать лет твои сыновья!

Отлично они будут выглядеть. Офигенно! Не забывайте, мама, налегать на спортивные секции, и невест сможете солить пачками!

Не спрашивайте, зачем мне пачки соленых невест.

Не удержавшись, я стрельнула оценивающим взглядом в даму: короткая стрижка, тонкие черты, умное, волевое лицо. Пепельно-русые волосы и синие глаза. Неуловимое сходство.

Я отвела взгляд. Мысленно пнула саму себя и включилась в работу.

За стойкой администратора Рита Викентьева заселяла гостей:

– Ваш паспорт, пожалуйста.

Даму, того из гостей, что шел первым и плюгавого заселили штатно – условия проживания я лично согласовала заранее с кем-то из помощников, и номера были подобраны в полном соответствии с запросами. А вот с Мирославом Радомиловичем возникли трения.

Мирослав, чтоб его, Радомилович, дождавшись, пока его оформят, и получив обратно паспорт, вдруг объявил:

– Знаете, я бы, наверное, все же хотел отдельный домик.

И улыбнулся. У Риты, кажется, на миг приостановилась мозговая деятельность.

– Но... – Она на секунду смешалась, потому как получила от меня четкие однозначные инструкции, кого и куда, но быстро взяла себя в руки. – Да, конечно! Какую избушку желаете: с подъездом, без?

– А у вас есть номерной фонд без подъезда? – вальяжно поинтересовался уже заселенный Всеслав Всеволодович, тот, который шел от машин первым, и мы с Ритой дружно оглянулись туда, где на стене висела шикарная внутренняя вывеска: на мшисто-зеленом поле надпись из светлого дерева “База отдыха “Тишина”

Администратор тепло улыбнулась гостю и пояснила:

– Две трети избушек находятся в глубине территории и автомобильного доступа не имеют.

А я с удовольствием отметила, что держится Викентьева отлично, приятно посмотреть, и работает уверенно.

– Знаете что? Мне, пожалуй, тоже отдельный домик. С подъездом, – заявил Всеслав Всеволодович, выкладывая на дубовую стойку администратора выданный ранее ключ, и Рита послала ему улыбку “одну-минуту-я-закончу-обслуживать-предыдущего-клиента-и-решу-ваш-вопрос”.

– А мне – без, – снова улыбнулся бедной Викентьевой Мирослав... Радомилович.

Сволочь! Ей же еще работать!

Но хвалила я Риту не зря – кремень, а не девица! Собралась с силами и разместила капризных гостей.

– Ваша избушка двадцать четвертая, – ответно улыбнулась она, выкладывая на стойку брелок с силуэтом бычьей головы.

– Ваша избушка седьмая, – и переменчивому Всеславу Всеволодовичу вручили брелок с волком.

– Я провожу вас, – вмешалась я, не давая подчиненной начать выяснения, подождают ли они горничную или найдут нужные избушки сами. – Прошу, идите за мной.

Развернулась и повела.

Традиция-с. Дорогих гостей старший администратор выгуливает лично-с.

Но никогда еще сие действо не было столь щедро приправлено ощущением сюр.

Впереди шествовала я: пуховик на плечах, как плащ супергероя, и волосы назад (собраны в классическую “ракушку”, на самом деле, но могу же я чуть преувеличить?). К губам прилипла улыбка, в глазах – легкая безуминка (а вот тут никаких преувеличений), рот не закрывается – в режиме гида Колобкова незатыкуема! Общий вид, как у героя, собравшегося на подвиг: “Куда ты завел нас, не видно ни зги!”

У Мирослава и Всеслава фамилия общая – Азор. Интересно, она польская?

– База отдыха построена в традициях славянского зодчества шестнадцатого-семнадцатого веков. Не из высоких соображений, а исключительно для красоты. А это, обратите внимание, медвежий орех, ему уже больше ста двадцати лет, у него есть паспорт, и он внесен в “Красную книгу”. На территории базы два таких дерева, и за причинение вреда любому из них законом предусмотрена ответственность, и это в лучшем случае, потому что основной контингент наших гостей – люди, приехавшие в заповедник “Соловьиные Родники”. Люди, любящие и ценящие природу. Если они доберутся до нарушителя раньше закона...

Я многозначительно замолчала, скосив взгляд на своих спутников.

Всеслав Всеволодович шел по мощеной камнем дорожке, которую дворники успели отчистить от снега, и с любопытством вертел головой. Мирослав Радомилович был более сдержан в проявлении интереса, но тоже осматривался. Как приценивался. Когда этот оценивающий взгляд остановился на мне, я только чудом выдержала его, не отвернулась, а, как будто бы

даже обрадовавшись вниманию, махнула рукой за пушистые елки и продолжила экскурсионный треп.

Когда Максим, много лет назад, получив в наследство здоровенный кус земли рядом с заповедником, закладывал базу отдыха, он не экономил место, потому что его здесь было действительно много. А еще он постарался быть максимально бережным к родительскому наследию.

Поэтому в “Тишине” нет заборов, кроме внешнего грозного частокола. Уединенность между избушками создают живые деревья – частью оставшиеся со времен Елистратовых-старших, частью посаженные уже позже, Максимом.

Осматривайся, сколько хочешь, кроме зеленых лап и шершавых стволов, ничего особо не вымотришь.

– Ваша избушка, Всеслав Всеволодович! – я эффектно развернулась и повела рукой в сторону седьмого домика, с таким видом, будто вот только вчера лично его весь день строгаала, вместе с резной волчьей головой на коньке и деревянным кружевом, и теперь жажду предъявить широкой общественности.

А общественность, кстати, не такая уж и широкая. В плечах так уж всяко поуже Мирослава, тудить его в качель, Радомиловича.

Интересно, кем они друг другу приходятся. Всеслав явно моложе, но не то чтоб намного – не сын (на что, кстати, ненавязчиво намекает отчество “Всеволодович”). Во всех предварительных переговорах звучало только его имя, услышь я хоть раз “Мирослав” – однозначно, зацепилась бы, но нет, ни разу же. И при “боевом построении” в момент прибытия Всеслав шел первым. И при заселении вперед пропустил только даму, Ольгу Радомиловну Шильцеву, которая хоть и другой фамилии, но явно той же породы. А вот ее плюгавого спутника и своего старшего родственника – ни-ни. И когда речь зашла об отдельном домике вместо номера, младший тоже постарался быть первым.

Что характерно, Мирослав на все это реагировал никак от слова вообще: спокойненько пер себе последним, улыбался персоналу так, что аж в обморок бедных девушек ронял, и даже бровь не дрогнула ни разу, выражая недовольство.

Что это может значить? Что это нам дает? И, самое главное, что с этим делать?

Ну, с последним вопросом всё понятно – в клювике Максиму отнести. А там уж он и с первыми двумя разберется.

Я еще раз улыбнулась дорогому гостю, прибывшему в наши е... глухоту аж из самой столицы. Ударно улыбнулась: чтоб ресницы, ямочки, лучики в уголках глаз, и чтоб грудь непременно взволновалась, пусть и прикрытая пуховиком.

Чем отвратительней настроение, тем ослепительней улыбка.

Развернулась ко второму:

– Мирослав Радомилович, нам нужно пройти немного дальше.

Узнал? Не узнал? Узнал? Не узнал?..

С одной стороны, улыбается. С другой стороны, он и Рите на ресепшене ничуть не хуже улыбался. С третьей стороны, я-то его почти моментально узнала. С четвертой – у меня последние три года перед глазами было очень устойчивое напоминание.

В животе похолодело. Неприятненько так. Моих драгоценных отпрысков на базе знала каждая белка (и мудро держалась на расстоянии). Да, детские круглые щеки и вздернутые носы сходство скрадывали, но все же оно было настолько очевидным...

Не паникуй, Лена. Рано паниковать!

Во-первых, это тебе очевидно, ты мать и в общем-то единственная здесь, кто отца этих детей в глаза видел (пусть и недолго, и большей частью, кхм... ладно!). Во-вторых, а даже если и сопоставят, чай не в дремучее время живем, имею право! Лишь бы только молчали...

Я свернула направо и повела источник своего беспокойства в глубь территории.

Развилка, другая – и вот она, двадцать четвертая избушка, “бык”. Одна из моих любимых кстати: именно здесь мы предпочитали останавливаться, когда случалось привезти на отдых Аду и мелких.

Небольшой взгорок, густо заросший лесом, перед крыльцом расчищено что-то вроде двора, с которого улизнуть можно только в одном направлении, по каменной тропинке, а в другие стороны не пустит колючая ежевика. Достаточно перекрыть этот канал и можно не опасаться утекания колобчат от мамы с Адой.

– Вот ваш домик, Мирослав Радомилович, – для наглядности я указала рукой, что действительно, вот. – Обратите внимание на ограждение вон там, справа от тропинки – это второе краснокнижное дерево, живущее на территории нашей базы отдыха, будьте с ним любезны, оно было здесь гораздо раньше нас. К семи часам подадут ужин, но до этого в четыре у нас запланировано катание на санях. Сбор в гостевом тереме, дорогу можно найти по указателям, будьте внимательны, не заблудитесь...

Чем больше я вещала, тем шире становилась улыбка Мирослава, вдоль его и поперек, Радомиловича. И в конце концов он просто подхватил мою руку и поцеловал – каким-то совершенно естественным, рыцарским движением.

По-моему, аристократически вздернутая бровь в ответ на этот жест мне на редкость удалась.

– Спасибо за заботу, Елена Владимировна!

– Это моя работа, Мирослав Радомилович, – благосклонно отозвалась я с самым великосветским видом, мысленно всё ещё переживая сладкие молнии, разбежавшиеся от его губ.

Да чтоб тебя! Это вот как прикажете понимать!

И как мне теперь идти вот этими ногами, ты, Мирослав Радомилович, подумал?! Они же ватные!

Ладно, Ленка, давай, попробуй дедовским способом!

Левой! Правой!

Я плавно развернулась, надеясь величественно уплыть (скорее, скорее к себе в кабинет, там можно будет запереться и по стенам побегать!), когда столичный упырь меня окликнул:

– Елена Владимировна!

Еще раз спасибо тебе, боженька, что дал человечеству вздернутую бровь – вместо тысячи слов.

– Вы ведь что-то хотели у меня спросить?

Я? Хотела?! Ну да если предлагают – отчего бы не спросить!

– Как сокращается в быту имя “Всеслав”? – разрешила я себе пустое любопытство.

Мужчина запрокинул голову и неожиданно легко рассмеялся:

– Да Славик он! Только он этого обращения не любит. А вот меня можно звать просто – Мир!

Да иди ты! “Просто Мир”? Благодарствую, я уже один раз “попростомирилась” – три года нянчу!

Не снисходя до ответного разрешения обращаться только по имени, я улыбнулась ласково, как могла:

– Не опаздывайте на прогулку, Мирослав Радомилович! Я уверена, вам понравится!

“Просто Мир”? Нет, вы подумайте – “просто Мир”!

Он что, меня кадрит?!

Ни стыда, ни совести! Сволочь какая! Мать своих детей! Использовать в конкурентных играх!

Да как так можно вообще?!

Настроение, весьма паршивое с утра, абсолютно необъяснимо улучшилось.

И хоть я ничуть не сомневалась, что все эти реверансы в мой адрес, как и в адрес мужественной Ритки, исключительно из профессиональных интересов, было ничуть не обидно, а вовсе даже смешно. Во-первых – это бизнес, детка, здесь всё используют в соответствии с ситуацией. А во-вторых, Мирослав свет Радомилович – теперь я была уверена – даже не представляет, какая у нас с ним ситуация!

Отойдя от бычьей избушки на достаточное расстояние, я достала из кармана пуховика рацию.

– Рита?

– Да, Елена Владимировна?

– Собери смену, пожалуйста, я минут через семь подойду.

– Хорошо, Елена Владимировна.

А я ведь его искала тогда, почти четыре года назад. Ну, как – “искала”... Пыталась искать! Не хочу вспоминать лицо детектива, которому я смогла сообщить унизительно скудный арсенал примет мужика, которого хотела бы найти. Но я была молода, наивна, и считала, что ребенка делают двое, так что второй участник сего действия имеет право, как минимум, знать о своем отцовстве. Правда, поиски продлились недолго: первое УЗИ показало многоплодную беременность, и я люто пожалела о выброшенной на детектива сумме. Двойня пробивала широкую брешь в моем бюджете, и в изменившейся ситуации мне стало не до чьих-то абстрактных прав. Нужно было шустро соображать, как удержаться на плаву.

Некоторое время я пыталась найти выход и справиться со всем самостоятельно, а потом махнула рукой и пошла просить о помощи тогдашнего моего начальника, мирового мужика. Выложила ему все, как на духу... Он сказал, что зарплату мне повысить не может, но обещал подумать, чем помочь. И подумал. Где-то, во глубине Сибирских руд (вернее, среднеполосных лесов) был у него приятель, который что-то ему когда-то задолжал. И вот в счет погашения морального долга, мог попросить мой тогдашний начальник своего приятеля взять к себе на работу беременного администратора. Перейти предлагалось на такую же зарплату, что была у меня на тот момент, но в насквозь провинциальном Черноречке матери-одиночке с двумя детьми на нее реально было выжить. Это вам не столица. К тому же чистый воздух, отсутствие пробок, заповедник под боком...

Растить детей в заповеднике показалось мне отличной идеей.

До сих пор считаю это свое решение неоспоримым доказательством моей гениальности. Мне после переезда сюда даже дышаться стало легче, и я весь остаток беременности пропорохала по окрестным лесам пухлым отожравшимся мотыльком.

В комнату отдыха на втором этаже, которую мы приспособили для проведения рабочих собраний, я подошла даже чуть раньше, чем через семь минут, но горничные вместе с администратором уже были на месте.

– Значит так, горлицы мои сизокрылые, – я обвела девушек взглядом, собирая внимание. – У нас в “Тишине” остановились важные гости из столицы. Напоминаю, что шуры-муры с клиентами у нас строго запрещены. Разговоры – на рабочие темы, информацию о базе предоставлять строго в официальных рамках. Начнете строить глазки – пеняйте на себя!

Этот инструктаж я проводила достаточно регулярно, но в свете столь эффектного появления Азоров, решила, что не лишним будет повторить. А потом, освежив в памяти сотрудниц еще некоторые рабочие требования, отбыла: нужно было еще найти Максима.

– Хорошо ей говорить, у нее Елистратов есть! – внезапно услышала я из-за неплотно закрытой двери и чуть не застонала: девушки, если уж вы обсуждаете начальство, то хоть убедитесь, что оно достаточно далеко ушло!

Но не застонала, а вовсе даже наоборот, дыхание затаила и приготовилась подслушивать без зазрений совести.

– Думаешь, Максим Михайлович с ней спит?! – изумился кто-то.

Разобрать приглушенные голоса не удавалось, но это явно новенькая спросила: байке сто лет в обед, старожилы в теме.

– Ну а чего она, по-твоему, здесь царицей ходит?

Вообще-то, сплетни у нас не приветствуются, но этот слух Макс самым жестоким образом пресекать запретил (сделал бровки домиком и сказал: "Лена, твою мать!"). Потому что чем больше горничных поверит в меня, тем меньше пристанет к нему.

Иногда какая-нибудь отчаянная из новеньких решает, что влегкую "подвинет старушку", и тогда мы с Елистратовым на спичках разыгрываем, кто будет её увольнять, потому что каждому хочется плюс в свою репутацию: мне – всевластной Владычицы Морской, ему – прочно занятого мужика. Цвирко, держащий эти самые спички, считает, что мы придурки, но его никто не спрашивает.

– Я не знаю, кто с кем спит, свечку не держала, – мрачно вмешалась Рита, – но у меня знакомая работала в "Щедрой поляне". У них там тоже... приехали к ним клиенты, веселые и при деньгах, чаевые щедрые давали, с персоналом трепались обо всякой ерунде... Ну, эти дуры и рады стараться, языки развесили. Клиенты погостили, и уехали, а через пару месяцев мою знакомую уволили по статье, да с таким волчьим билетом, что ее на работу потом брать не хотели – парни эти из органов были, и под разговоры ни о чем, из нее всякого такого выудили, что владелец "Поляны" на взятках чуть не разорился лишь бы не сесть и бизнес не потерять. Так что я вас прямо предупреждаю: я работы лишиться не хочу. Если что замечу – сразу пишите по собственному, не дожидаясь, пока пинком попрут! Всё, всем работать!

Я хмыкнула, и быстренько свинтила в известном направлении – к Елистратовскому кабинету. Доложить, что я бдую, и вообще, поделиться наблюдениями.

– Лена! – выдохнула Адка в трубку вместо "алло". – Ну что, как там твой визит?

– Визит не мой, а Елистратовский, – легкомысленно отмахнулась я, немного переживая, правильно ли угадала с дозой легкомыслия. С Адкой очень важно не пережать. – Пока все штатно, поселили. Сейчас развлечем, покормим... Они, правда, сразу работать хотели, но у нас так дела не делаются!

Перед катанием у меня выдалось всего минут пятнадцать свободного времени, и употребить его следовало с толком. Я и употребляла.

Адка хихикнула в трубку:

– А я всё хотела тебе позвонить и боялась, что помешаю! – призналась она. – А за мелких ты не волнуйся, я бабушке Маше уже звонила, утром они без капризов собрались, вещи она все нашла, такси решили не брать, пешком прогулялись, и прекрасно дошли, бабушка Маша говорит, по дороге считалочку про котенка выучили...

Я с трудом подавила стон.

Бедная, бедная Мария Егоровна! Как она нас всех, с нашей повышенной тревожностью и манией контроля, переносит?

Молока надо будет ей за вредность купить, вот что.

Птичьего.

– Ад, я тебя умоляю, не волнуйся ты и не проедай плешь Марии Егоровне! Если ей будет что-то от нас нужно, она сама нам позвонит! Ты с университетом связалась?

– Угу, в секретариате сказали, когда выпишут, справку обязательно принести, а пока – болеть спокойно.

– Как ты себя чувствуешь? – я проглотила комментарий на тему доброты секретаря, пожелавшей "болеть", а не "поправляться".

– Нормально, – судя по звуку, Адка зевнула, не разжимая челюстей. – Только спать всё время хочется.

– Ну и спи, раз хочется, – одобрила я. – Вечером заеду. Привезти чего-нибудь вкусненького?

– Ой, не надо, лучше домой едь, а то мелкие скучают! А мне ни...

– Ада.

– Воды мне купи и фруктов каких-нибудь. Только сладостей не вези, а то я разожрюсь!

– Хорошо! Я пойду, Ада, работа. Но если будет что-то важное – звони!

Я нажала отбой и улыбнулась. Беспокойство, все еще сжимавшее сердце острыми коготками, начало потихоньку отпускать.

В сани, принадлежащие “Тишине”, вмещалось шесть человек. Однажды в них каким-то образом вместились почти два десятка студентов, и с тех пор студентов признавать людьми я категорически отказываюсь.

Сегодня в сани вместились: я, великая и прекрасная (молчать! Метр пятьдесят пять – это прекрасно! И, хм, велИко...), Всеслав Всеволодович Азор, официальный представитель фирмы холдинга “Азоринвест”, Ольга Радомиловна Шильцева, его правая рука, Геннадий Витальевич Орел, личный помощник правой руки официального представителя, и Мирослав Радомилович Азор, очевидно, левая рука одного официального представителя.

Шестым был Максим, и счастливым он от этого не выглядел, потому что, ну, костюм же снять так и не удалось!

Счастливыми здесь вообще выглядели только я, потому что и сани люблю, и лошадей люблю, и план прогулки сама составляла, да Филиппыч, сидящий на козлах. Этот – в силу подлости характера.

Про Игоря Филипповича Новицкого у нас на базе говорили просто: по профессии егерь-лесовод, по должности инструктор-аниматор, по призванию сволочь.

Столичные гости не хотели кататься, они хотели работать, и переговоры пытались начать чуть ли не с порога, вместо заселения. Мы не то, чтобы работать не хотели – мы не хотели работать с ними. Поэтому переговоров сегодня не было и не будет, а прогулка – вот она!

Орловские рысаки перебирали ногами, трясли головами и звенели сбруей: прогулке они были рады, а потому явно примкнули к нашей с Филиппычем партии. Впятером мы имели очевидное преимущество над недовольными, если и не в численности, так в массе.

Мое место впереди, и ехать придется вперед спиной, но я и так люблю. Рядом садится Орел, что логично, а третьим на неудобное место вместо Макса, по долгу хозяина, самовольно садится Мирослав, и у меня внутри всё почему-то обдаёт жидким огнем. Это от его парфюма, не иначе. Люблю я вкусные мужские парфюмы, что поделать.

Ну, ничего. Только тронемся – запах сразу выветрится!

Игорь оглянулся. Убедился, что все в санях, все сидят. Шевельнул вожжами – и тройка серых в яблоках мягко взяла с места, уверенно направившись напрямик в забор.

Конные ворота плавно и величественно разошлись в стороны.

Эх, жаль, лошадей заранее сегодня не разогрели – тогда можно было бы и резвее тронуться. Обычно приближающийся частокол без признаков проема западает катающимся в душу!

Заснеженный проселок, сосны, синее небо и летящая тройка – что может быть лучше?

Разве что, всё то же самое, но молча. Но увы, на этой прогулке я снова экскурсовод, а переорать свист ветра – это не абы какие связки надо иметь.

Сани мчатся, щелкает над конскими спинами хлыст и ощущение полета всё ярче.

“Посмотрите направо, те деревья – это граница заповедника “Соловьиные Родники”, в который мы и направляемся, посмотрите налево, а вот этот лес совсем молодой, его своими руками высаживала лично я...

Щелчок кнута, и сани с небольшого обрывчика вылетают прямо на лёд.

Я держусь, даму милосердный Максим своевременно придерживает за талию, остальные звонко кладают челюстями.

“А сейчас мы едем по реке Елань, тут у нас в прошлом году легковушка газовой службы под лёд ушла!”

Что поделаешь, событий в провинции мало, и я злорадно делюсь тем, что имеется.

Филиппыч залихватски свистит – и кони совсем уж пластаются в беге, гудит под копытами звонкий лёд, замирает от восторга душа.

...только вот аромат парфюма отказывается выветриваться.

В заповеднике гости из саней вываливаются с такими лицами, будто уже не чаяли, что это случится. Игорь отправляется вываживать коней, приезжие торопятся отойти от саней подальше (никак опасаются, что в следующий раз лёд может оказаться не таким прочным) и попадают в радостно потираемые руки сотрудников “Родников” (где столичные гости – там благотворительные взносы), а меня аккуратно придерживает за локоток Максим:

– Лен, это обязательно было, про легковушку рассказывать?

– Да ты что! Я же их только ради этого на речку и потащила!

Жаль только, что мое торжество быстро смазал один из работников заповедника, у которого Ольга Радомиловна не постеснялась тревожный факт уточнить.

– Какая легковушка? А-а-а, так если вы то место хотели посмотреть, это вам с другой стороны заезжать надо было – возле Осиповки стремнина, лёд промывает... А вы от Лабазного приехали, там отмель, Елань чуть ли не до дна промерзает!

Мирослав, оглянувшийся, чтобы посмотреть с укором, получил в ответ только мою широченную улыбку.

– А на обратной дороге я покажу вам то место, где видели медведя-шатуна! – жизнерадостно ознакомила я гостей с продолжением программы, выбрав момент, когда сотрудников заповедника рядом не было.

А то ведь с этих кайфоломщиков станется объяснить, что шатун – событие сомнительной свежести и случилось еще до меня.

А после моего прибытия – ни-ни, ни одного шатуна.

Злые языки улавливают между этими явлениями некую связь, но обращать внимание на подобные слухи – ниже моего достоинства.

– Ле-е-ена, – еле слышно застонал рядом Елистратов. – Не надо шатуна! До туда же крюк здоровенный, пожалей лошадок!

– Да ничего, им не во вред, они здорово застоялись в последнее время! – Филиппыч возник рядом, довольно шурясь.

Начальник мрачно посмотрел на меня. На него. Безошибочно констатировал сговор. И попросил:

– Меня. Меня пожалейте. Как людей прошу!

На минутку я потеряла контроль над совестью и испытала угрызения, но могучим волевым усилием пресекла эту несанкционированную активность.

Вот сейчас я гостям шатуна не покажу, а завтра они страх потеряют, да?

– Лена!

Я скосила глаза на Елистратова и неохотно уступила:

– Ну, ла-а-адно...

Филиппыч за плечом раздосадовано хмыкнул, а начальник отправился исполнять долг гостеприимства.

Кстати, раз шатуна в программе не будет, у меня где-то час времени высвобождается. Улучив минутку, я перехватила Максима под локоток и поинтересовалась интимным шепотом:

– А можно я домой сегодня пораньше?

– Лена, блин! К чему все эти акции запугивания?! Я бы и так отпустил!

– Макс, ну ты как маленький. Не тебя же запугивали!

О, этот взгляд! Проникновенный, будоражащий, говорящий...

Говорящий: у тебя совесть есть? А если найду?

Вот право слово, взрослый человек, а такая детская вера в чудо!

– Катись, – буркнул он вслух.

Ему сегодня пораньше не светило. Ужин, банька, водочка, дев... Перебор. Девки на территории были строго запрещены, специализация у нас другая, семейная, и за допущенных на территорию работниц эскорта виновного казнили через увольнение. И, возможно, для кого-то Елистратов и мог бы нарушить собственные правила – но уж всяко не ради гостей, которые ему поперек души.

Я отчасти его печаль-тоску понимала. Но разделить не могла. У меня сегодня Адка.

И теперь, руля домой сквозь рано густеющие зимние сумерки, я думала без конца о белобрисой козе, сетовала на ее упрямство и безответственность по отношению к себе. Я ж ее еле-еле в университет запихнула. Дуреха так и собиралась положить себя на алтарь благополучия нашей большой-маленькой семьи только потому, что была убеждена, что я ее спасла от жизненной беспросветности.

Кто кого спас...

Шел пятый месяц беременности. Я тогда только-только устроилась на новую работу, и объезжала окрестности – знакомилась. Машина, выданная на работе и поименованная «Тигриком», довольно урчала мотором и дула в ноги теплом. Списанный армейский внедорожник, дубоватый на ходу и тяжеловатый для женской руки в управлении, но надежный и устойчивый на любой дороге, бодро месил дождевую грязь шинами. Погода последнюю неделю царила премерзкая. Будто кто-то там наверху опомнился и решил добавить разом все неадекватные за удивительно безоблачное лето осадки.

Любуясь относительно мрачными пейзажами, я заметила человека, бредущего по обочине, по той самой грязи, на своих двоих. Он сутулился и периодически пытался голосовать, но без особого успеха – участок трассы между городом и россыпью окрестных поселков был пусть и довольно оживленным, но желающих подобрать то ли подростка, то ли субтильного взрослого, не наблюдалось. Я бы тоже проехала мимо, блюдя собственное частное пространство и безопасность (мне теперь не только о себе переживать, а люди разные бывают), но беременность сделала меня сентиментальной. Я затормозила и сдала назад.

И это решение стало вторым неоспоримым доказательством моей гениальности.

Неожиданный попутчик оказался попутчицей – симпатичной светловолосой девчонкой с веснушками на носу, на вид ей было лет восемнадцать, а то и меньше.

– Аделаида, – представилась она, пристегнув ремень безопасности. – Это город, в Австралии.

– А я – Лена, будем знакомы, – этим не по возрасту серьезным глазам так и тянуло улыбнуться, и я улыбалась, с удовольствием и от души. – Замерзла? Чай будешь?

«Тигрик» голодно утюжил дорожное полотно – застоялся в гаражах «Тишины», всё никак не мог накататься.

Настроение у меня было неубиваемо хорошим, впервые с того момента, как УЗИ показало мне двойню, пожалуй.

Рассосался гадский узел в солнечном сплетении, мешавший свободно дышать, и финансовый вопрос, висевший надо мной Дамокловым мечом, потерял остроту.

Место, где предстояло работать, мне понравилось, работу я знаю и люблю, начальник неплохой мужик и разрешил пожить на базе, пока не подберу квартиру в городе, и даже посоветовал надежное агентство...

Жизнь налаживалась.

– Ты чего пешком-то? – с беспечным видом забросила я удочку.

– Да так... Автобус уехал, вот и пришлось...

Она не очень хотела рассказывать, эта веснушчатая девочка со стылым отчаянием в глазах, но крокодилья хватка, прикрытая шуточками и беспечностью, чай в термосе и дезориентирующее пузо (никто не ждет подвоха от беременной, а зря, я вот, к примеру, была воплощением коварства!) сделали свое дело.

Адка ездила из Чернорецка, где училась, в райцентр, воевать с чиновниками за положенное сироте по закону государственное жилье. Битва эта не то, чтобы была проиграна, жилье-таки положено же, но скорее походила не на битву, а на затяжную осаду, где стороны в качестве боеприпасов обстреливают друг друга бумажками, к тому же противник не гнушался грязных приемов – например, продержат посетительницу под дверями до тех пор, пока она сама не уйдет на последний автобус. Ада не унывала и отступать не планировала.

Слово за слово...

Она только закончила колледж, из общежития пришлось съехать. Все лето скакала по подружкам, неделю тут, неделю там, целых три, приглядывая за пустой квартирой уехавших в медовый месяц знакомых молодоженов. В свои восемнадцать с небольшим подрабатывала в ресторане. Мечтала о стабильности. Квартиру вот выбить. И работу.

Я могла предложить и то, и другое. Так у меня появилась няня.

Нельзя сказать, что это было просто. Адка многого боялась: отсутствия денег, разговоров по телефону за рулем. Боялась оказаться в тягость. А когда Адка боялась, она орала.

Срывалась в истерику от невинной шутки про экстрим в отпуске, и не успокаивалась, пока не выжала из меня клятву, что ни-ни. С первой зарплаты подарила мне автомобильную гарнитуру для телефона. Нервничала, когда я тратила деньги на что-то, что ей казалось излишеством и баловством...

Самым сложным было привести ее к мысли, что ссориться – это нормально. Когда мы скандалим – мы просто скандалим. Это не значит, что мы больше ничего друг другу не должны, а наши договоренности идут лесом.

Я сама не заметила, когда Адка перестала быть наемным работником и стала членом семьи.

Она остро нуждалась в семье, я – тоже.

В детстве у меня была большая дружная семья, с двоюродным и троюродным родством, с общими праздниками и частыми посиделками. Потом мы с родителями переехали в столицу, и общение постепенно сошло на нет.

И это, пожалуй, одно из объяснений, почему здесь, в Чернорецке, мне было хорошо. Здесь было всё, что я могла считать своим: дети, Адка, Макс, лес, который я посадила своими руками.

Семья, которую я создала себе сама.

– Ну, как вы тут? – спросила я у Марии Егоровны, когда бурные детские восторги “ура-мама-приехала-так-давайте-же-задушим-ее-в-объятиях-скорее” утихли, и я обманным маневром уснула их с кухни.

– Всё хорошо, только детки случайно герань того... Поливали все по очереди от большой любви, и спихнули горшок. Вы уж, Леночка, простите, не уследила.

Я тяжело вздохнула:

– Мария Егоровна. Я когда-то залюбила насмерть кактус. Мне было восемнадцать. Нужно просто смириться, что в этом доме растения не будут выживать до тех пор, пока не научатся сами убегать от опасности.

Мария Егоровна улыбнулась, и я, спохватившись, полюбопытствовала:

– А кто зачинщик?

– Олюшка Мирославна, – вздохнула соседка. – А ведь в глаза глянь – чистый ангел!

Не то чтобы я сомневалась в ответе или собиралась что-то предпринимать, но статистика и учет – наше всё. Да и потом, начинание все же было благое.

Впрочем, у нее все благое. Из разобранных кроваток – будь они неладны – эти звезды под предводительством самой яркой намеревались собрать корабль и уплыть за сокровищами. Чтобы денег, значит, было больше, а мама, соответственно, работала меньше.

Рыбки мои, почти уплывшие, ворвались в кухню табуном на три головы, привычным построением: Оля на острие, косички на развешиваются, на одной розовый бант, на другой желтая лента развязалась и вьется пиратским стягом, и ведь слова не скажи про разноцветные ленты – у Олюшки свое понимание прекрасного. Стас с Яриком позади на полкорпуса, синие глазищи светятся предвкушением и восторгом, в руках – одежда, готовы ехать к Адке вотпрямчас. И несмотря на то, что дети мои свою няню безусловно обожали, я подозревала, что определенную долю восторга в глазах вызывало еще и направление “в больницу”.

Мне удивительно везло, за все три года ни одна мелочь ни разу не заболела. Ни даже малейшего насморка. Отдавая их в сад, мы готовились держать больничную оборону, но снова – ни-че-го. Поэтому доктора, которых банда, получив все прививки, посещала лишь профилактически, вызывали только восторг. Стетоскопы! Весы! Свет в глаза и в уши! Крутотень же!

Я мысленно прикинула, кого возьму в зубы за шкуру, пока проходим по больничным коридорам, чтобы никто никуда ни-ни, и вздохнула.

Держись, больница, мы идем.

– Отряд! Стройся! Выступаем!

Вообще главная проблема с тройней – это именно нехватка рук. Опытным путем мы с Адой убедились, что полностью контролировать ситуацию можно только в том случае, если нас больше, чем их. Даже уравнивание в количестве, как это ни странно, помогало не всегда.

Первый год я помню смутно, как в тумане. Подозреваю, что мозг просто стер все лишние ужасы за ненадобностью, сохранения рассудка для. Второй прошел под лозунгом “Так, два вот, где третий?!”, ибо уползать, уходить, а затем и убежать по первости от переизбытка впечатлений и недостатка возможностей коммуникации все трое предпочитали в разные стороны. На третий, с появлением этой самой коммуникации, наша жизнь начала постепенно перестраиваться из беспорядочного хаоса в упорядоченный...

Что готовит нам четвертый?..

Мне ставили двойню. Двойню мы ждали. К двойне мы готовились. Читали умные книжки и мамские форумы. Первые для того, чтобы успокоиться и поверить, что двойня – это не конец света. Вторые, чтобы тренировать нервы и не сойти с ума, когда этот не конец света на нас обрушится.

Беременность протекала без малейших осложнений. В тридцать четыре недели я по плану легла на сохранение и в тот же день мальчишки решили, что ну раз положили – значит пора.

На роды как на праздник! Все улыбаются и машут, только анестезиолог издевается – выгните, говорит, спинку кошечкой. Спинку ему, понимаете ли, кошечкой. Я тебе, мужик, пудовую бочку с солеными огурцами привяжу, а потом тоже попрошу кошечкой. А огурцы тебе по ребрам, по ребрам...

“Первый!” – радостно объявил врач за синей шторкой, и я залюбовалась нимбом от хирургических ламп на его шапочке. Почти сразу же воздух прорезал пронзительный детский крик, от которого сердце сжалось и резко защемило глаза.

“Второй!” – быстро сообщили мне, и второй крик вознес мою душу на небеса и одновременно низвергнул в пучины материнского ада.

А потом он сказал: “Ой”.

Ой.

Да-да. Так и сказал.

Не дай бог вам, люди добрые, однажды услышать “ой” от мужика, который только что достал из вас двух детей.

Возможно, он что-то понял. Вполне вероятно, по тому, как задержался на аппарате мой сердечный ритм, выдавая предынфарктное состояние.

А потому губы его растянула улыбка, отчетливо проступившая даже под маской, и он радостно объявил:

– Да у нас сегодня акция! Родившим двоих – третьего в подарок!

Так я узнала, что, оказывается, при многоплодной беременности тройню иногда не определяют...

Когда я позвонила Адке, чтобы сообщить, что все прошло хорошо, дети здоровы, крепки и прекрасны, а еще их почему-то трое, но я предпочитаю пока что думать, что у меня галлюцинация от анестезии, она ржала. До слез, до всхлипов, сползая по стеночке.

И я даже сама почти поверила в эту теорию, пока мне не привезли три люльки.

– А это чей? – тупо спросила я, насчитав два голубых браслета и один розовый.

– Ваш! – невозмутимо заверила меня медсестра, кажется, почти готовая к такой реакции.

– Точно мой? – надежда еще слабо трепыхалась.

– Точно! – тут дама оскорбилась. – У нас все как в аптеке!

– Лучше бы было как в роддоме... – пробормотала я.

Ладно, в конце концов, мы же готовились к двойне. А тройня – это же всего на одного ребенка больше?..

Вот только негласно, в те моменты, когда в нашей жизни приключались какие-то серьезные и очень внезапные проблемы, мы с Адкой подбадривали себя одним и тем же лозунгом.

Роди двух мальчиков и получи девочку в подарок.

Мы справились с этим, а все остальное – ерунда.

Глава 3

– Доброе утро, Елена Владимировна! – Рита аж на своем месте подскочила мне навстречу.

Стоявший у администраторской стойки Мирослав, черти бы его взяли, Радомилович, обернулся и в который раз полыхнул такой улыбкой, что даже мое, закаленное тремя синеглазыми монстрами сердце, дало сбой, запнулось и забыло куда шло. Что-то я за вчерашний день так и не привыкла к этому оружию массового поражения. Попыталась припомнить, улыбался ли он так той ночью или “это бизнес, детка”, но воспоминания увильнули от улыбки куда-то в сторону...

– Прекрасно выглядите, Елена Владимировна!

Ну, да, ничто так не красит женщину как ночь, проведенная в бессоннице и тяжких размышлениях над морально-нравственными дилеммами, ранний подъем и война с капризничаящими детьми.

Тройняшки с утра сегодня были несносны просто на редкость. Одеваться – не хочу, умыться – не буду, есть – это вообще лишнее.

Хотелось умереть, но вместо этого я ответила господину Азору снисходительно-благодарным кивком, пронзила Риту и ожидающую начала пересменки Анну взглядом “все-помнят-инструкции?” и только тогда обратилась к гостю.

– Доброе утро, Мирослав Радомилович! – щедро разбавив голос медом, взялась я за обязанности старшего администратора. – Как вам спалось? Всё ли вас устраивает в вашем номере? Не замерзли?

Последнюю фразу я пропела отчетливым тоном “тепло ли тебе девица, тепло ли тебе, красная?”.

Правильно, взбодрись. Ты сможешь! Никаких “я сейчас сдохну!” Сдыхать – только в своем кабинете за закрытыми дверями, дабы не портить видом унылого трупа главный вход!

– Благодарствую, Елена Владимировна, сервис на высшем уровне. А еще вы вчера так стремительно исчезли сразу после прогулки, что я не успел поблагодарить вас за прекрасно организованный досуг.

Он стоял, слегка опершись на стойку локтем, и разглядывал меня открыто и дружелюбно. Я видела, как обе мои девицы украдкой нет-нет да стреляют глазами, но тут же дрессированно отводят взгляд.

Я бы тоже с удовольствием попялилась, но по другой причине.

К сегодняшней моей бессоннице дети имели только косвенное отношение. Я ворочалась полночи, мучаясь лишь одним вопросом – сказать или не сказать?

С одной стороны, он все же отец и имеет право знать. С другой, а на фига ему это знание, он без него прекрасно жил, судя по всему! С третьей, он, возможно, захотел бы участвовать в жизни детей. А для них знание того, кто их отец – тоже на пользу. И меня избавит от неудобных вопросов или вранья. С четвертой, я сама-то не знаю, кто их отец! Что он за человек. Обстоятельства знакомства, вроде как, намекают, что не последняя сволочь, но...

Копания в интернете информации дали мало. Удалось выяснить только, что в Азоринвест Мир работал еще до нашего знакомства (интересно, он в те времена на деловые встречи тоже бритый, с серьгой и черепом являлся?). Ольга ему приходилась сестрой-близняшкой, а Всеслав – племянником. А вот информации о нынешней должности Мирослава Радомиловича нигде не значилось, тогда как Всеслав занимал почетный пост директора отдела регионального развития. И мне все же было донельзя любопытно, как так вышло, что старшие родственники оказались в подчинении у младшего.

– Благодарю, – я благосклонно кивнула, отчаянно жалея, что Макс таки пресек шатуна. В идеале еще Филиппыча было бы подговорить сани опрокинуть в сугроб для поднятия бодрости духа. Этот умеет. Но в них были еще я и любимый начальник. – Я сейчас могу быть еще вам чем-то полезна?

– Елена Владимировна, вы мне всегда полезны! – негодяй обворожительно улыбнулся, отклеился от стойки и двинулся в мою сторону.

Припомнив вчерашние целования, я нервно засунула руки в карманы пуховика, но все равно от этого сокращения дистанции, от парфюма, вновь окутавшего меня мягким облаком, от всего... вот этого вот! – пальчики на ногах самопроизвольно поджались, кое-что другое поджалось тоже, как бы вопя “Да-а-а! Мать, я знаю этого чувака, у нас с ним был лучший секс в жизни! А еще, между прочим, последний за четыре года!”.

Я сжала кулаки, переживая гормональную бурю и вернула гостю его же вопрос:

– Вы что-то хотели у меня спросить?

– Скорее попросить, – мужчина остановился передо мной на расстоянии почти неприличном и даже понизил голос, чтобы администраторы ничего не услышали, но однозначно поняли, что мы тут интимно шушукаемся. – Я хотел бы задать вам несколько невинных вопросов по внутренней кухне базы. Если бы вы могли выделить мне полчаса наедине...

Ах, как мы хорошо умеем модулировать интонации! Дать бы тебе по башке, Мирослав, словочъ ты синеглазая, Радомилович!

– Я постараюсь, – я сдержанно кивнула. – Но прямо сейчас у нас время пересменки, и я хотела бы для начала приступить к работе.

– Как мы с вами в этом похожи! – ухмыльнулся господин Азор, напрочь проигнорировав, что его только что, вообще-то послали. – Я тоже, представляете, хотел бы приступить к работе!

– Не дают? – я живо изобразила лицом сочувствие.

– Не дают, – мурлыкнул этот шут, таки-и-им голосом, что у меня снова дернулись пальцы, низ живота и сердце.

Тьфу, на тебя. Три раза. Пошляк!

Рассадник тахикардии ходячий!

– Хорошего рабочего дня, Елена Владимировна!

“Господи, да катись ты уже!” – взывала я мысленно, а вслух лишь улыбнулась и взглядом указала гостю в направлении двери.

– Лен, ты ничего не хочешь мне сказать? – осторожно уточнил Макс, пригласив к себе сразу после пересменки.

Елистратов сидел за своим столом, я – сбоку. Перед ним стоял чай, передо мной – кофе. Как говорится, ничто не предвещало беды.

Я перебрала мысленно свои сегодняшние цели и задачи... Хм.

– Да вроде бы, ничего. А что?

– Лен, ты помнишь, кто крестил твоих детей?

Ой ё... Нет, ну вот тут-то как раз всё предвещало, согласна. Но...

– Ты? – как будто даже с удивлением уточнила я и решила испытать обманный маневр: – Но это была твоя идея! Кстати, достаточно смелый шаг для человека, который боится детей!

– Я не боюсь детей, – огрызнулся Макс с явной досадой.

– Ага, а помнишь, тот случай...

– Лена, хорошая попытка. Но мы не будем менять тему.

Я мысленно досадливо ругнулась – а ведь почти удалось!

– Лен, ты же помнишь, что я знаю отчества твоих бандитов? Особенно Олюшки Мирославны.

– Они ангелы! – возмутилась я.

– Особенно Ольга Мирославовна, – поддакнул Елистратов.

Тут крыть было нечем, и я уныло согласилась:

– Особенно да. Слушай, может, мне еще одну няню взять? А то одна постоянная и одна приходящая уже не справляются...

– Лена. Это тоже была неплохая попытка.

Да твою ж дивизию! Что ж ты цепкий такой?!

– Лен. Они у тебя синеглазые такие... Ты точно ничего не хочешь мне сказать?

Иди лесом, Елистратов.

– Очень красиво, правда?

– Лена.

– Да! Да, блин, это он! – я выпалила это, задохнулась и тут же взвилась: – Но откуда я знать-то могла?! И... и... леший бы тебя драл, Елистратов!

Хотелось вскочить и пробежаться туда-сюда, в том числе по стенам и потолку, но, увы, в кабинете начальника бегать по потолку кому-то, кроме собственно начальника, неприлично. Субординация-с!

Я выдохнула.

Ну что я, виновата, что так... так нелепо получилось?! Я такого не планировала!

Елистратов молчал. Я быстро зыркнула в его сторону – смотрел, как показалось, с сочувствием.

– Лен.

Я свирепо раздула ноздри, подавая признаки жизни. Однако обращение звучало довольно успокаивающе.

– Что думаешь делать?

– Я не знаю! – я остаточно пыхнула раздражением, как дракон жаром, и обмякла на спинке кресла. – Я пока что не имею ни малейшего представления, что со всем этим следует делать.

И посмотрела на Макса прямо, открыто.

– Но я, Макс, знаю главное. Я знаю, что не хочу, чтобы моих детей использовали как инструмент давления в вопросах бизнеса. Ни одна из сторон.

Макс неопределенно хмыкнул с самым независимым видом. Но я не сомневалась – он меня понял.

Я подумала и подвела черту под разговором:

– За сим, я решила, что Мирослав Радомилович пока перебьется, а я пригляжусь и еще подумаю... И теперь вот, приглядываюсь.

– Ясно. На переговоры с нами пойдешь.

– Ты озверел?! – возмущение вырвалось непроизвольно. – На кой ляд я там сдалась?!

– Ни на кой. Ты и не работать пойдешь, работать будем мы с Цвирко – это у нас переговоры. А у тебя – ознакомительная экскурсия, совмещенная со просмотрами. Собирайся.

Приняв решение, Макс выбрался со своего места, вынул из кабинета и двинулся вниз по лестнице.

– Максим, у меня работа! – я болталась сзади паровозиком на веревочке и пыталась отвертеться от великой чести.

– Отлично, у тебя есть полчаса, отдай распоряжения и предупреди, что сегодня будешь занята!

Твою мать! Ну спасибо, удружил, благодетель!

А спустя эти самые полчаса мы сидели в конференц-зале за широким дубовым столом, нас трое, их напротив – четверо, и я начала подозревать, что Макс притащил меня еще и для

массовки, чтобы количеством не давили. С учетом того, что сам Елистратов за двоих, как раз поровну и получается.

Азоры начали переговоры первыми. Они приехали к нам не просто так, они приехали с желанием дать денег. Много-много денег. И теперь с воодушевлением рассказывали нам, как нам с этими деньгами будет хорошо, как чудесно деньги могут всё улучшить и расширить, и модернизировать, и прочая, прочая.

Ольга Радомиловна была убедительна, уверенно оперировала цифрами, причем не абстрактными, с потолка, а приложенными к текущей деятельности “Тишины”. С учетом наших потребностей и проблем.

Так вот зачем они распозлились по всей базе, интервенты, и заняли все возможные варианты размещения! Изучали дислокацию. И диспозицию. И было еще какое-то умное военное слово на “рэ”, мне один майор из засекреченной военной части с той стороны Елани про него рассказывал, и оно тоже подходило, но я это, которое на “рэ”, забыла.

На самом деле, очень привлекательно выглядело всё то, что она рассказывала. Собственно, именно потому, что Азоры приперлись к нам с жадой инвестировать, а не выкупить, Макс и не мог их прямо и бесхитростно послать. В бизнесе свой политес и подобные предложения полагается честно выслушивать и честно рассматривать, а отвергать с железобетонными формулировками, которые никого не обижают.

Более того, даже инвестиции синеглазые припорошили хитрыми формулировками, чтобы уж наверняка не дать Максиму увильнуть. Они хотели взять в аренду часть “Тишины”, на постоянной основе и на длительный срок. То есть как бы выступали клиентами, а клиентов обижать нельзя, репутация.

Вот только когда у тебя чуть ли не пол базы снимает один клиент, ты как-то становишься сильно зависим от денежек этого самого клиента. А кто платит – тот, правильно, заказывает музыку.

Елистратов ни под чью дудку плясать не хотел и его можно понять. Он хозяин в своем маленьком лесном государстве, зачем ему чужаки? Никто из нас, наемных работников, тоже от идеи не приходил в восторг. Макс – родной, понятный, изученный. Новые хозяева – новые порядки. Сегодня они хотят половину номерного фонда снять, а завтра заявят, что их не устраивает старший администратор...

Так что откреститься от переговоров никак не можно было, но стоять Елистратов планировал насмерть.

Азоры по очереди разливались соловьями. Макс молчал, нарисовав на роже предельно внимательное, но ни фига не заинтересованное выражение (чтобы не поощрять). Цвирко что-то помечал в блокноте. Я – присутствовала.

Что я могла вынести полезного из этих переговоров? Говорил Мир уверенно, спокойно, без нажима. Скупое довольно. Всеслав и Ольга речей толкали куда больше. Вообще со стороны его редкие вставки больше походили на ремарки.

Или даже...

В какой-то момент я поймала себя на мысли, что нет, не ремарки – корректировки. Разговор и так лился в нужном русле, но он будто бы слегка поправлял это течение, если оно вдруг пыталось вильнуть куда-то в сторону. Умело и очень ненавязчиво.

“Просто Мир”, как же, ага-ага...

Макс упорствовал в нежелании от кого-либо какие-либо деньги брать. Коли хотите организовывать тут досуг своей корпорации – милости прошу, гостям мы всегда рады, но исключительно в общем порядке. Резервация на определенный срок и в соответствии с наличием свободных мест. Для крупных корпоративных клиентов предусмотрена система скидок и прочих бонусов, если хотите, Елена Владимировна вас с ней подробнее ознакомит.

“Елена Владимировна”, попав под перекрестный прицел синих глаза, привычно натянула на физиономию улыбку и даже открыла рот, выражая полную готовность, но Всеслав не дал мне и звука пикнуть.

– Поймите нас правильно, Максим Михайлович, система скидок – это, несомненно, прекрасно, но холдингу необходимо, чтобы мы могли разместить людей на вашей базе отдыха вне зависимости от сезона и занятости номеров. Мы прекрасно понимаем, что это несет для вас некоторые неудобства, но Азоринвест готов компенсировать эти неудобства более чем щедро к обоюдному удовольствию. Вы же понимаете, что аренда “Тишины” – это не единственный для нас вариант?

Тут я встрепенулась, прекратив бессмысленным взглядом пялиться на запястья Мирослава, чтоб ему три года ночей не спать, Радомиловича, гадая можно ли под манжетами белоснежной рубашки разглядеть татуировку или нет.

Потому что вот оно. Все, что было до этого – так, шелуха, реверансы и раскланивания, попытки прийти к компромиссу там, где его быть не может. Настоящие переговоры начались именно сейчас, потому что голос младшего из Азоров звучал хоть и доброжелательно, но твердо. И за твердостью этой ощущались клубящиеся гроззовые тучи.

– В таком случае, я не понимаю, что вам мешает рассмотреть остальные варианты? – безмятежно отозвался Елистратов.

– Если мы с вами не придем к консенсусу, то, уверяю вас, непременно рассмотрим, – заверил его Всеслав, добавляя в голос стали. – Например, мы можем выкупить участок земли рядом с “Тишиной” и построить там свой пансионат.

Воу! А вот это уже угрозы пошли! Я вперилась взглядом в директора отдела регионального развития, испытывая острое неподконтрольное, но идиотское желание встать, упереть руки в боки, загородить Макса (ну, хотя бы треть Макса) и заявить: “Так, хватит мне тут ребенка обижать!”.

– Новенькие коттеджи со всеми удобствами и полной инфраструктурой, – продолжал Всеслав, не подозревая, какая грозная тут сила зреет бешенством в лице отдельно взятого Колобка. – Качество, комфорт, к заповеднику, опять же, ближе. Да, на это придется потратить куда больше времени и денег, но мы можем себе это позволить. Как долго “Тишина” продержится на плаву после этого? Далеко она уедет на одной лишь стилизации?

Макс сдвинул брови и теперь куда больше походил на того самого медведя-шатуна, мало что не рычит. Правильно, что крюк не стали делать! Вот он у нас, с доставкой на дом – то бишь в конференц-зал, а в снегу мы их потом искупаем.

– Ну и кроме того, – грозными бровями Азор-младший не впечатлился. – У нас есть основания полагать, что тот участок, на котором высажен ваш молодой лес, был приобретен по заниженной стоимости. И мы намерены подать протест в соответствующую инстанцию и добиться аннулирования сделки. У кого будет больше шансов перекупить этот кусок земли, когда он вновь окажется на рынке?

– Позвольте, Всеслав Всеволодович... – начал Цвирко, но Елистратов прервал его коротким жестом.

В конференц-зале воцарилась тишина. Долгая. Тяжелая.

Кажется, все ждали, что Макс что-то скажет, но Макс молчал. Он только смотрел на гостей-интервентов и лично мне под таким взглядом захотелось бы провалиться под землю и куда-нибудь сноровисто уползти червячком.

Гости уползать не торопились. Невзрачный помощник Ольги Радомиловны окончательно слился с окружающей обстановкой, будто его и не было совсем. Сама Ольга Радомиловна смотрела на владельца “Тишины” с вызовом – взгляд прямой, декольте вперед. Всеслав был очевидно напряжен, но это было бойцовское напряжение, азартное, не нервное. Мужик явно чувствовал за собой силу и готов был ее пускать в ход.

Взгляд Мира был безмятежен, как бездонное летнее небо. Синева, в которую как провалишься, так не сразу выплывешь. На мгновение он поймал мои глаза, и я чуть не провалилась. В последний миг удержалась на самом краешке, вздернула бровь, а потом неодобрительно поджала губы. Да-да, знайте, что я думаю о вас и ваших методах, господа столичные завоеватели!

Первым не выдержал, как это ни странно, Всеслав, хотя по всем законам отвечать следовало бы Елистратову.

– Мы нацелены на сотрудничество, Максим Михайлович, а не на соперничество, выбор исключительно за вами.

А Макс молодец, подумалось мне. Таки заставил товарища занервничать.

Медвежий образ испарился без следа, мой начальник снова выглядел совершенно спокойным и невозмутимым.

– Ну-ка, давайте еще раз, во что вы там планировали вложиться?

Я мысленно застонала – ну не по второму кругу же, а? Ладно, над ними ты издеваешься – а надо мной-то за что?!..

Я стояла на крыльце, облокотившись на перила – пуховик на плечах, пальцы в замок – и вдыхала морозный воздух, который после накаленной атмосферы в конференц-зале казался еще более опьяняющим.

Не мое это – все эти долгие переливания из пустого в порожнее. Я все-таки человек действий: есть задача – выполняю. От многочисленных обсуждений побаливала голова.

Расчищенные дорожки были пустынные, только Филиппыч шел через двор и на ходу пил лимонад из бутылки. Стеклойной. Зимой.

Нет, ну я знала, что мы все тут немного с прибабахом – но прям настолько уж?!

Увидев меня, Игорь свернул с маршрута и, перешагнув через декоративные кусты, цапля длинноногая, оказался в пределах шаговой доступности террасы, с которого я созерцала двор “Тишины”, аки красна девица какого-нибудь славного роду-племени многовековой давности.

– Как все прошло? – поинтересовался он, прихлебывая из бутылки и глядя на меня снизу-вверх.

Правда, для такого эффекта понадобился полуметровый настил вдоль гостевого терема, Новицкий та еще каланча жилистая.

– Да... так, – неопределенно протянула я. И, припомнив самое вопиющее из предложений, от которого Цвирко чуть в обморок не упал, со злорадным удовольствием наябедничала: – Представляешь, Шильцева предложила терема покрасить! Так, мол, говорит, веселее будет, а то у вас тут все серенько!

Филиппыч, в этот момент как раз делавший глоток, поперхнулся ядовито-зеленой жидкостью и принялся откашливаться.

Какое лицо, ну, любо-дорого же посмотреть!

– Да иди ты?! – переспросил он с веселым изумлением.

Темные глаза смеялись, и от этого обычно неприятная его резкая физиономия, дубленая всеми ветрами, с намертво въевшимся загаром, стала почти красивой.

– Где трупы закапываем?

Я недовольно сморщила нос:

– Скажешь тоже! “Трупы”... “Закапываем”... На Елань вывезем, под лед пустим, и дело с концом!

– Весной раков драть поедем! – мечтательно поддержал мои кровожадные планы массовик-затейник и знатный раковод в одном лице.

– А у вас тут раки водятся? – знакомый голос из-за спины заставил дернуться, обжег нервы, и я задумчиво сдвинула брови, оборачиваясь к Мирославу, чтоб ему провалиться, Радомиловичу.

Что бы ему такое сказать, чтобы и правду, но и не совсем?

– Это смотря чем подкармливать, – добродушно опередил меня бывший егерь-лесовод. – Елена Владимировна, бутылочку до урны не донесете?

– Всенепременно, Игорь Филиппович!

Мирослав явно понимал, что у нашего с Игорем диалога был второй смысл, требующий знания контекста, но предъявить ничего не мог – даже если о контексте и догадывался.

Вышедший из терема в том, в чем был на переговорах – в темном деловом костюме и дорогих ботинках, на этом тесовом резном крыльце он смотрелся противоестественно, чуждо. Но до головокружения привлекательно.

Ах, как хорош ты, ПростоМир на фоне аутентично-темного дерева!

У меня сердце сжалось: такую красоту – да под лёд!

С некоторым сожалением отказавшись от полюбившейся мысли, я улыбнулась. На этот раз не традиционной сервисной улыбкой, а сдержанно, ибо гости наши сегодня не такие уж и гости.

Не то чтобы нас прямо напугали и повергли в панику намерения Азоринвеста. Мы на счет этих намерений и раньше не заблуждались, да и в бизнесе тоже не первый год. Вот только осуществить эти их намерения будет не так просто, как они расписывают.

На расстоянии конкурентной доступности от “Тишины” свободных участков, которые можно было бы без проблем купить, нет. Потому что здесь, вокруг заповедника “Соловьиные Родники”, сплошь естественные леса, не подлежащие продаже в принципе. Разрешенный законом максимум – передача в долгосрочную аренду.

Вложиться в строительство пансионата, его продвижение и развитие с тем, чтобы через пятьдесят лет запросто лишиться всех вложений? Очень сомневаюсь, что Азорнинвест на это пойдет.

Земельный участок под “Тихий лес”, выкупленный якобы по заниженной стоимости, на самом деле был продан Елистратову под целевое использование, с условием рекреации земель, пострадавших от хищнической вырубki лесов лет двадцать-тридцать назад.

Макс обещал восстановление леса – Макс произвел восстановление, и если кто думает, что Елистратов просто так, от балды, натыкал елочек с сосенками в произвольном порядке, то он сам себе дурак, и Максима Михайловича Елистратова плохо знает.

Перед тем, как идти в муниципалитет с предложением сделки, Макс чертову тучу народа на уши поставил. Проект “Тихий лес” делали экологи и ботаники из “Соловьиных родников”, изнасиловавшие по такому поводу мозги всем сотрудникам архивов от городского до регионального уровня, в попытке выяснить, каким был лес тут изначально. Потом эти маньяки корректировали план с учетом текущих данных: состава почв, влажности, возвышенностей и низин...

Каждое растение было пронумеровано (а закупали их у проверенного и одобренного питомника несколькими грузовиками). Во время посадки впереди шли машины, которые бурили лунки по хитромудрой схеме, за ними скакали ребята из заповедника, и расставляли маркеры, и следом шли мы, сотрудники базы отдыха “Тишина”, уже по специальным картам сверяясь, куда и что высаживать...

Эта сделка готовилась не один год, передача земель в собственность Елистратова стала всего лишь заключительным ее этапом.

Если Азоринвест надеется, что сможет так просто ее аннулировать...

Ну-ну. Попутного ветра в горбатую спину.

Законом мы прикрыты со всех сторон. Главный вопрос заключается скорее в другом – не захотят ли они этот закон обойти?

Но Артюша Цвирко, как бы я там к нему ни относилась, свою зарплату получает не зря, и драться за свое мы будем насмерть.

Я хотела пройти мимо, вернуться в терем и заняться уже наконец работой, но Мирослав удержал меня взглядом.

– Вы, Елена Владимировна, на переговорах были удивительно немногословны.

Ну, с учетом того, что до этого он меня наблюдал исключительно в режиме экскурсовода, то да, удивительно!

Я пожала плечами.

– Переговоры – не моя компетенция. Я присутствовала на них в качестве, как вы ранее выразились, специалиста по внутренней кухне, а не того, кто принимает решения.

– И все же мне любопытно ваше мнение по поводу всего этого.

Голос, мамочки мои, ну какой голос, а?

“Ты такая сладкая...” – эхом из прошлого.

Мирослав, девичья погибель, Радомилович!

– Мое мнение – оставьте “Тишину” в покое, – прямо сказала я. А что? В конце концов, вреда от того, что я озвучу очевидное абсолютно всем, точно не будет. – Я не совсем понимаю, зачем вам сдалась наша база, но она – детище Елистратова, и он вам ее не отдаст.

– Никто, вроде бы, и не собирается отнимать, – вкрадчиво произнес бывший маньяк, а ныне человек в деловом костюме. – Мы предлагаем долгосрочное сотрудничество.

Я на это только хмыкнула, выражая тем самым все, что я думаю об их долгосрочном сотрудничестве.

Вполне возможно, Мир попытался бы и еще капнуть мне на мозги, но в этот момент дверь терема отворилась и выглянула горничная.

– Елена Владимировна! Вы телефон в конференц-зале забыли, вот.

Я мысленно чертыхнулась на рассеянность, поблагодарила девушку, ткнула в кнопку, включая экран.

Три не отвеченных вызова – два от Адки, один от ее лечащего врача.

У меня похолодели руки.

Длинные гудки. Долгие. Бесконечные.

“Это Ада. Оставьте ваше сообщение после гудка, и я вам, может быть, перезвоню”.

Еще раз.

“Это Ада. Оставьте ваше сообщение после гудка, и я вам, может быть, перезвоню”.

Я нервно прошлась по крыльцу, гулко стуча каблуками по дереву. Закусила губу, ткнула во второй номер.

Долгие гудки. Стандартный автоответчик.

Неизвестность рождает страх. А в моем случае – сразу панику, чего мелочиться?

Сердце билось так, будто вознамерилось протаранить грудную клетку и наконец-то удрать куда-нибудь от всех этих стрессов, ибо с такой нагрузкой оно и до сорока не дотянет, а жить хочется.

Спокойно, Лена, дыши. У них может быть миллион и одна причина сначала тебе звонить, а потом не брать трубку. И тебе совершенно не обязательно прямо сходу, сшибая сосны, мчаться сейчас в Чернорецк. Голова тебе для чего дадена, Колобкова? Думать? Ну вот думай!

Славься всеблагой интернет!

– Вторая городская, отделение травматологии, – монотонная скороговорка дежурной медсестры.

– Здравствуйте, Елена Владимировна Колобкова, родственница Аделаиды Константиновны Звенской. Сто пятая палата, лечащий врач Семенов Николай Николаевич. Я не могу с ней связаться, вы не подскажете, где она сейчас находится?

– Снимки плохие, – после короткого молчания сообщили меня. – Увезли.

И повесили трубку. Им там в больнице не до праздных разговоров. Им там работать надо.

Я могла набрать номер еще раз, устроить скандал, выпытать подробности и детали. Куда увезли? Зачем увезли? Когда вернут в конце концов? Но...

Снимки плохие.

Это в любом случае не могло означать ничего хорошего.

Я рванула в свой кабинет. Сумка, ключи от машины. Анне за стойкой – я в больницу, ты за старшую под мою ответственность, с Елистратовым потом сама разберусь, все вали на меня. Выскочила обратно на мороз, на ходу влезая в рукава пуховика.

Слетела по ступенькам и чуть не врезалась в подкатившую “бэжу”, перегородившую мне дорогу.

– Садись, – короткий приказ.

Стекло опущено, синие глаза смотрят снизу вверх. Без улыбки. На “ты”.

– В таком состоянии за руль не пушу. Садись.

Мгновение колебания. Доли секунды. И я рванула на себя ручку, рухнула на сиденье и захлопнула дверцу не сильно заботясь о нежной механике машины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.